

Галина КРАВЕЦ

Письма в прошлое

эссе и рассказы

Братск
2020

**ББК 84 (2=411.2) 6
К 78**

16+

Письма в прошлое / Г. Кравец – Братск : Полиграф, 2020. – 108 с.

Сборник прозы Галины Кравец издан при финансовой поддержке Союза литераторов России.

- © Г. Кравец – тексты
- © Библиотека русской поэзии XX века им. В.С. Сербского
- © Иркутское региональное отделение Союза литераторов России
- © Оформление «Полиграф»

ПИСЬМА В ПРОШЛОЕ

Я никогда не писала дневников. Но всегда любила писать письма. В юности вместо дневников я писала письма то ли себе, то ли своему первому любимому... Можно писать письма себе в будущее. Но мне хочется написать себе в прошлое... себе той – маленькой, познающей мир, удивляющейся своим открытиям.

Наверное, это будет калейдоскоп воспоминаний, беспорядочных и удивляющих, как удивляли картинки в старой детской игрушке. Мой калейдоскоп был в картонном корпусе с каким-то полинялым рисунком. Разбирала я его миллион раз, вытаскивая все зеркала и стеклышки, часто экспериментировала, убирая одни осколочки или добавляя другие, и подолгу потом разглядывала появляющиеся новые узоры. Но никогда они мне не нравились так, как те, которые получались при самом большом разнообразии мелких разноцветных стекляшек. Разнообразие! Яркость красок и насыщенность картинок. Вот, пожалуй, что отличало мое детство – жизнь казалась ярким красивым праздником, который никогда не кончится.

*Друзьям моего детства —
Борьке, Косте, Серёжке, Алькам
обои, Ларисе, Маринке и Оле
посвящается*

Счастлиное утро

Это когда просыпаешься от запаха сладких блинчиков. Лениво и сонно проворачиваются мысли, обволакивает расслабляющая нега, и ты понимаешь именно по этому запаху, еще не включив сознание, что сегодня суббота! Мама стряпает блины. Можно немного поваляться в постели, отдавшись лени. И потом с наслаждением уплетать мамины блинчики со сметаной (как папа), с вареньем (как брат), разогретые в масле (как мама, потому что пока нам пекла и нас кормила, ее завтрак остыл, и она разогревает себе блинчики в сливочном масле, поджаривая оставшиеся несколько штук все вместе, прямо стопкой в сковородке).

Это когда просыпаешься первого января и бегом босиком бежишь к елке. Где, где там подарки от Деда Мороза? И неважно, что тебе уже 6, или 10, или 15, и ты точно знаешь, что никакого Деда Мороза не существует! Ведь подарки есть! И там обязательно что-нибудь желанное-загаданное или, наоборот, настолько неожиданное, что дух захватывает!

Это когда в день рождения просыпаешься ночью, в темноте угадываешь стул с подарками возле кровати. И обязательно наощупь, не включая свет (чтоб не разбудить брата, который спит тут же в комнате), ты пытаешься перебрать все, что там есть, понять: а что это тебе приготовили твои родные? И, успокоившись, что подарки есть, никто о тебе не забыл, что подарков много (и уже неважно даже, а что же там лежит), ты засыпаешь до утра, умиротворенный и довольный,

что еще капелька тайны осталась, что утром тебя ждет что-то, что ты еще не разгадал до конца!

Особый запоминающийся подарок? Наверное, это когда мама втайне от меня сшила двум моим самым большим куклам Ларисе и Марине зимние пальто с меховыми воротниками, с шапочками из того же меха, обула их в сшитые сапожки и усадила возле моей кровати. Это случилось, когда еще не было этих многочисленных Барби с их шикарными гардеробами. И я несколько лет подряд, засыпала накануне дня рождения с мечтами о кукольном гардеробе, с платьями и пальто, с туфельками, сапожками и многими мелочами. И так велико, видимо, было разочарование на моем личике поутру, что мама не выдержала и пошила наряды моим любимицам. Больше всего меня мучил вопрос: «Когда же мама это успела сделать, ведь она целый день на работе, вечером крутится в кухне допоздна...» И еще не одно десятилетие после моего отъезда из родительского дома эти куклы жили там, ими играла моя дочь в редкие наши приезды. И даже, когда родителей не стало, еще многие годы они там ждали нашего приезда в отпуск, старились и дряхлели, словно люди. Расставание с ними навсегда было неизбежно и так болезненно.

Или самое счастливое утро, когда просыпаешься в родительском доме оттого, что подозрительно тихо. Не дергает тебя за одеяло двухлетний сын с какой-нибудь нелепой просьбой, типа «Хочу писать» или «А когда будем кушать?»

Оттого, что закрыта дверь в твою спальню и только

слышно еле-еле звяканье посуды, приглушенный шепот мамы: «Тише, пусть мамочка твоя поспит немного». И вдруг ощущаешь себя не мамой, не женой, а маленькой девочкой, накрытой неосязаемой пеленой маминой заботы.

Я очень давно не просыпалась счастливой...

Жадность

Мама очень боялась, чтобы мы с братом не выросли жадными. Мы делились друг с другом конфетами, правда, потом дрались и ссорились до слез из-за фантика, потому что у каждого была своя коллекция красивых фантиков.

Однажды мама забрала меня из детского садика и, хотя до дома было далеко идти (несколько трамвайных остановок), мы почему-то пошли пешком. Просто была весна, хорошая погода, да и мало ли у мамы могло быть причин прогуляться с дочкой... Когда мы проходили мимо булочной, мне вдруг страстно захотелось шоколадку. Нас не очень баловали сладким, хотя в доме и появлялись конфеты просто так, не по праздникам. Папа часто бывал в командировках в Москве, Ленинграде и всегда привозил много дорогих конфет и восточных сладостей. Но вот захотелось шоколаду, хоть умри! Зайдя в булочную, мама купила мне крошечную «Аленку» за 20 коп. Обалдев от счастья, я, недолго думая, тут же разворачиваю ее и целиком засовываю в рот! Мама недоуменно смотрит на меня и говорит:

– А мне?

И тут моя 5-ти летняя душа наполняется ужасом: «Что я наделала! Как я могла так поступить? Ведь надо обязательно поделиться с тем, кто рядом!» Но растаявшим шоколадом забит рот, я не могу сказать ни слова, и только лихорадочно соображаю: «Что же делать?»

И не нахожу никакого ответа.

Мама молча разворачивается, заходит в магазин и покупает 300 грамм своих любимых подушечек «Орион», щедро посыпанных сухим какао. Мы шли медленно-медленно всю дорогу до дома. Молча мама через каждые 2-3 шага методично бросала в рот из кулечка подушечку и с наслаждением начинала катать ее за щекой. Моя шоколадка давно растаяла и была проглочена пополам со слезами. Я не получила никакого удовольствия.

Через какое-то время робко попросила у мамы одну подушечку. Она недоуменно посмотрела на меня:

– Ты же съела шоколадку?

– Но она давно кончилась...

– Ну и что, я тоже хотела шоколадку, ты же мне не дала? – еще одна подушечка с хрустом раскусывается мамой.

– Но я не успела, она растаяла...

– Ну вот теперь и иди без сладкого.

– Мама, я все поняла, я больше так не буду!

– Ну вот когда не будешь, тогда и я с тобой подеюсь.

Позже, когда я сама уже была мамой, мы вспом-

нили с ней тот вечер. И она мне призналась, что ей так тошно было жевать те конфеты, что ее уже мутило от них, когда мы подошли к дому, но она именно ТАК представляла себе свою трудную воспитательную роль матери. Она должна была проучить меня, чтоб я запомнила на всю жизнь. И я помню. Мне стыдно до сих пор.

Ложь

В нашем доме царил культ правды. За ложь наказывали строго – лишением удовольствий и прогулок. Родители были порой очень строги и неизвестно, что было страшнее: родительский гнев за провинность или гнев за попытку солгать, выгораживая себя.

Этажом ниже жила моя подружка Вера. Побывать у нее дома, поиграть там было всегда заманчиво и жутко интересно. Потому что там все было не так, как дома. Ее родители много лет жили и работали в Китае, дом был полон чудесных необычных вещей. Куклы у Веры были изумительные: фарфоровые лица и руки, такие, которые сейчас считались бы коллекционными. Нам и тогда не особо разрешалось их трогать. Но удержаться было невозможно.

Мне разрешалось бывать в том доме, тем более, что папа Веры был непосредственным начальником моей мамы. Но не более чем часок, не нарушая приличий!

А бабушка Веры угощала всегда такими вкусностями! А мама ее знала столько стихов и песенок на английском! И она вязала такие наряды для Вериних ку-

кол... Было большим соблазном поиграть в том доме и два, и три часа... Но нельзя, мама будет ругать! И вот в моем восьмилетнем мозгу созрел гениальный план! Надо создать ситуацию, когда мама не накажет заслушание. Например, если я теряю ключ, то мама только пожурит слегка и порадует, что я не гуляла весь день по весенним лужам, не продрогла, а нашла пристанище у соседей! Но терять ключ – это всегда чревато тем, что папа будет искать новый замок, мучиться весь вечер с дверью, меняя замки (а вдруг кто-то найдет ключ и придет, когда маленькая дочка одна дома?!). Тогда нам с Верой приходит в голову новая великолепная идея: ключ надо потерять «на время», а потом его «найти»! Во дворе у нас построили новую телефонную станцию, и вокруг нее начали отсыпать гравием дорогу. Эти огромные кучи гравия насыпали еще с осени, а нынче уже весна! Зароем ключ, запомним место и назавтра «найдем» ключ. Вот обрадуется папа, что не надо замки менять! Сказано – сделано. Соорудили башенку красивую над могилкой ключа. Веточку воткнули, чтоб заметнее было. И с обеда до самого вечера играли у Веры всласть. И в магазин с весами крошечными с настоящими гирьками (ни у кого во дворе таких не было!). И в доктора. И в куклы, примеряя на них нескончаемые наряды, связанные мамой Веры. Потом учили английский с Вериной мамой. Пили чай с ее бабушкой. А когда пришли мои родители, они нашли приколотую к дверям незатейливую записку, над которой потешался весь подъезд: «Мама! Я у Веры. Ключ потеряла. Веревка на шее». Веревка –

это был мой главный аргумент. Ведь строго настрого запрещалось снимать с шеи ключ на веревочке, чтоб нигде не потерять его. Мы все бегали в то время с ключами, висящими как драгоценные кулоны. А у кого несколько ключей было в связке, так те позвякивали, как колокольчики у козочек, и всем было весело. Так вот, то, что веревка на шее осталась, а ключ волшебным образом потерялся – было самым загадочным во всей этой истории. Но моей же вины в том не было?

Конец этой истории был непредсказуем! Пожурили-посмеялись родители над моей «веревкой на шее», но делать нечего, спать легли с планами на завтра в очередной раз (сколько же мы с братом ключей до того реально теряли!) поменять замки. И каков же был мой ужас, когда наутро я проснулась от натужного рева тракторов, разравнивающих ту гравийную дорогу у нас под окнами! Мамы с папой уже давно нет, а меня до сих пор мучает раскаяние. Я так и не призналась, что это излишне, когда папа старательно врезал новый замок, Не призналась, что ключ никто и никогда не найдет. Что он надежно упрятан под новенький асфальт за окнами.

Захлопнуть дверь и ключ похоронить
На сутки, чтобы не ругала мама.
Как просто было нам тогда решить
Свободу обрести путем обмана.
И где найти нам тот заветный ключ,
К свободе открывающий дорогу,
Чтобы, пройдя раскаяния путь,
Вернуться в детство, к отчему порогу?

Удивление

Целых три года я занималась фигурным катанием. На тренировки ходила со смешанным чувством радости и нежелания. Я очень хотела научиться красиво летать над катком под чудесную музыку, но тренер была чрезвычайно строга. А мне не все удавалось. А ещё... друзья гуляли часами во дворе, но мне нельзя было пропустить тренировку. Мне было всего 12, и противоречивые чувства «хочу» и «не хочу» раздирали меня.

Мария Никифоровна, бывшая детдомовка, отдавшая всю себя чужим детям, так и не построила своей семьи. Мы были ее семьей. Она воспитывала нас своей строгостью и какой-то неумелой нежностью, учила не столько кататься, сколько преодолевать трудности, себя и свою лень. Она поздравляла прогульщиков с «праздником святого лентяя». Могла в конце тренировки усадить нас вокруг себя и читать какую-нибудь увлекательную книжку или играть с нами вместе в какую-нибудь подвижную игру, где все 30 человек были задействованы и увлеченно носились по залу, выплескивая всю накопленную энергию. Она оттирала подмороженные ноги кому-нибудь после тренировки в 30-ти градусный мороз и нещадно ругалась на заболтавшихся посреди катка подружек, потому что «...двигаться надо, двигаться, у вас тренировка или посиделки? Замерзнете же, дурочки, а мне потом отвечать перед вашими родителями!» Она в 5 утра приезжала заливать собственноручно для нас каток, пото-

му что «эти олухи, рабочие, совсем не понимают, что заливают каток для детей, и потому не должно быть ни одной складочки на льду!» Она устраивала костюмированный бал под Новый год и не хотела распускать нас на каникулы летом, потому что те, кто не уехал в пионерские лагеря, не должны болтаться по пыльным дворам без дела, пусть лучше под приглядом потренируются на стадионе, пусть «форму держат», не раскисают!

А в июне, когда почти все разъехались на отдых, так не хотелось ехать в душном автобусе на тренировку, чтоб вчетвером-впятером заниматься, да еще как заниматься! Это вам не 30 человек в зале, когда можно спрятаться за чью-то спину от строгого взгляда. Тут каждый на виду и достанется каждому внимания от дотошного тренера. Вот еду я обреченно и мечтаю: «Пусть бы Мария Никифоровна заболела...» И тут же одергиваю себя: «Нехорошо желать болезни человеку. Ну пусть бы в командировку уехала. Ездит же папа каждый месяц в командировки». И самой смешно от такой мысли: ну какие командировки у Марии Никифоровны могут быть?

Но представьте мое удивление, когда я, приехав на стадион, вижу объявление на дверях нашего зала: «Тренировок с 6 по 12 июня не будет. Уехала в командировку по поводу зональных осенних соревнований!» Я так оторопела, что села на лавочку под той самой дверью и долго сидела, не веря глазам своим. Так не бывает! Это я просто помечтала! Какая командировка? Что за бред? Я это придумала сама, только

что... И, только когда вахтерша прогнала меня: «Что, не видишь объявление? Или читать не умеешь? Чего тут расселась?» – я поняла, что мне это не снится, что это реальность, и надо идти домой.

Еще много будет потом в моей жизни таких мгновенных «реализаций желаний». И каждый раз я буду удивляться и недоумевать.

Спустя много лет я со своими детьми пришла в гости к ней, старенькой, почти ослепшей, и она угощала нас пирожками, которые только что постряпала. Рассказывала о том, как переживала за нас, своих воспитанников, как боялась, чтоб не травмировались. И я снова удивлялась, как она всех нас помнит по именам. Мы рассматривали ее фотоальбомы, где были все-все ее любимцы, и мне в подарок досталась фотография, где я на катке, такая смешная, только что приземлившись с прыжка, балансирую на одной ноге. Это единственная фотография той поры, которую храню до сих пор. Удивительный человек, которого я любила и боялась одновременно. Мне так повезло встретить ее в жизни.

Спортивный лагерь на Байкале, или ещё раз о любимом тренере

Часто-часто вспоминая своего тренера Марию Никифоровну, я вновь проваливаюсь мысленно куда-то в толщу воспоминаний, щемящих и радостных одновременно.

Однажды летом для нас, воспитанников детской спортивной школы, был организован спортивный лагерь недалеко от Слюдянки, в нескольких километрах от Байкала. Было всего 5 разновозрастных отрядов: волейболисты, конькобежцы, большой теннис и малый теннис, и мы – фигуристы. Каждый отряд ехал со своим тренером. Две тренировки в день, жизнь на природе вдали от родительского глаза, ну и некоторая атрибутика пионерских лагерей: дежурства по кухне, уборка территории и своих спален, утренняя гимнастика и различные праздники – все это было нашей жизнью целый месяц!

Но гимнастика с нашим тренером, бывшей детдомовкой Марией Никифоровной – это вам не «руки вверх, ноги на ширине плеч»! Утро на Байкале (а надо сказать, что тут утро – это колебания температуры даже в августе, самом теплом в Сибири месяце от +5С до +10С) начиналось обычно так. Все отряды высыпали из корпусов и без всякого построения бежали на речку. Горная речушка с обжигающей ледяной водой бежала через весь лагерь по камням-валунам и только близко растущие деревья и кустарники скрывали ее от глаз, но шум бурлящей по валунам воды сопровождал всю «лагерную» жизнь. Наш отряд выбегал в форме для тренировок – девочки в спортивных купальниках, мальчики в майках и трусах, независимо от температуры «за бортом» и разделялся на два потока – направо и налево от тренера. У реки за кустами всем следовало мыться по пояс в этой ледяной купели, чистить зубы. И неважно, что зубы ломит и челюсть сводит судоро-

гой. (А по вечерам обязательное омовение уставших ног в этой же обжигающей воде...) Потом зарядка, не менее 30-40 минут очень активных упражнений, потому что надо всем согреться! После завтрака очень короткий перерыв на уборку территории и корпусов, и все на тренировку!

Двухчасовая тренировка, без поблажек и послаблений. Правда, иногда ее нам благосклонно заменяли на «поход в горы».

Надо заметить, что местность для лагеря была выбрана очень правильно. Это была база отдыха какого-то детского учреждения города Слюдянки. С трех сторон лагерь окружали круто уходящие вверх сопки. Нам все было удивительно: глубокий мох по колено, высоченные кедры, папоротники в рост человека и прочая растительность. А с четвертой стороны – низина, вся в цветах и густых травах, и примерно в четырех километрах открывался шикарный вид на величавый Байкал.

Вот на одну из крутых сопок нам и предлагалось карабкаться частенько вместо тренировки. Проваливаясь по колено во мху, поднимая ноги «от бедра», (а иначе никак!), перескакивая через поваленные огромные стволы, переползая через завалы бурелома, мы стремились к вершине сопки. Там, найдя небольшой пятачок мха на более-менее пологом месте, «залысинку» без деревьев, кустов и папоротников, нам устраивалась передышка. Тут надо было оттачивать свои умения кувыркаться, делать мостики и стойки, учиться страховать друг друга на сложных акробатических трюках. Спуск вниз занимал немного меньше времени,

но стоил еще больших усилий. Ноги уже плохо слушались, скользили по мокрому, насквозь пропитанному влагой мху. Разговоры стихали, только громкое пыхтение и сопение сопровождало наше шествие вниз к лагерю. И, так радующие нас в начале сезона походы, впоследствии мы слезно просили заменить привычной тренировкой, потому что после спуска не было сил ни ходить, ни тем более бегать-прыгать. А после обеда и короткого сна – снова тренировка с 4 до 6. И тут слегка отдохнувшие ноги удивляли нас своей неимоверной прыгучестью и радовали тренера новыми достижениями – двойными и тройными прыжками.

Для развития мышц рук мы ходили опять на реку и, растянувшись по берегу так, чтоб не потравмировать друг друга, швыряли огромные валуны, поднимая их над головой на вытянутых руках. А после оттачивались «поддержки». Так как парней было в группе намного меньше, чем девчонок, то к каждому выстраивалась очередь «на поддержку». И по длине очереди можно было судить о рейтинге каждого парня в отряде! Мария Никифоровна только слегка усмехалась, но не вмешивалась.

Самыми яркими воспоминаниями на всю жизнь остались разные мелочи того сезона. Как Мария Никифоровна высмеяла меня, неправильно держащую веник! Оказывается, подметать надо, держа веник двумя руками – так ее учили в детском доме. А у нас дома был пылесос, и веником орудовала я весьма неумело!

Как перепугалась она, да и мы все, когда, отрабатывая кувырок назад на вершине сопки, одна из девчонок

не сумела остановиться после кувырка и пошла вниз головой кувырок за кувырком, лавируя между кустов и стволов кедров и только чудо спасло ее – она случайно зацепилась ногой за какую-то корягу и повисла на крутом склоне вниз головой, не имея сил подняться... Перепугались все, и несколько дней кувырки были запрещены на тренировках!

Как лечила Мария Никифоровна Светку Круглову от чирия на боку... Медик лагеря уехала за медикаментами в город на пару дней, а у Светки как раз назрел фурункул. И наш тренер лечила ее по-своему, как учили в послевоенном детдоме: пожевала черного хлеба с солью и привязывала на болячку. Через два дня Светка уже кувыркалась с нами и делала «мостик», забыв о своей беде.

Именно там я узнала, как огромным колотуном сшибают шишки с кедра. Ведь конец августа – это как раз пора «шишковать». Я и не знала, что вовсе не кидают палкой по шишкам, а просто стучат по стволу. И шишки, опавшие как плоды яблони, потом собирают в глубоком мху, что и доверили нам, 10-12-летним подросткам. Собранный урожай честно разделили на весь отряд: тем, кто постарше и участвовал в сборе – по 10 шишек, а тем, кто помладше и только ждали в лагере возвращения добытчиков – по пять! А насколько вкуснее орехи были, чем те, что покупались обычно у ближайшего гастронома!

Именно там я узнала, что бывает кедровый стланик, который может растянуться на большой площади и тоже давать прекрасные шишки. И что кедровая

шишка зреет три года! А какие очаровашки – шишки однолетки и двухлетки! Такое можно увидеть только в тайге... И шишки, выпотрошенные кедровкой. И лесная малина, такая сладкая и ароматная, что кажется даже не родственницей малине садовой, а какой-то инопланетянкой, случайно попавшей на Землю. И теплый песчаный пляж в маленькой бухточке, где золотой песок так прогревается на солнце и обжигает ступни, что бегать по нему возможно только на цыпочках. И, конечно, Байкал, который, оказывается, имеет маленькие, глубоко уходящие в береговую линию бухточки, где вода прогревается настолько, что нас невозможно было выгнать на берег! А прозрачность той воды такова, что видно и ноги свои, и камушки на дне. Издалека, из лагеря, эта сине-изумрудная чаша притягивала взоры, и можно было часами глядеть на это чудо природы. А несколько камушков я до сих пор храню с тех времен, перевозжу за собой, где бы я ни жила, вот уже более 40 лет. И не могу расстаться ними, так они интересны, с какими-то вкраплениями, разнообразными по цвету и форме.

Наверное, не так увлекательно читать эти мои воспоминания далекого детства, но не было больше сил носить в себе это. И, может быть, кто-нибудь из тех, кто в то лето был там, прочтет и тоже вспомнит эти дни, этот восторг слияния с природой.

А кто не бывал ни разу на Байкале, возможно, заблещет мыслью побывать, ощутить, прикоснуться... Поверьте, это того стоит!

Страх

Это было самое начало нового 1967 года. Интернет подсказывает: 5 января. Еще во всех домах стояли наряженные елки. Еще детвора не насладились первыми каникулярными январскими деньками. Я проснулась, когда родители уже ушли на работу, и сидела в зале с книжкой (кажется, это было что-то захватывающее о Шерлоке Холмсе). Я старалась не шуметь, чтоб не разбудить старшего брата, который любил в каникулы поваляться в постели подольше. И вдруг все вокруг затряслось мелкой дрожью, зазвенела посуда в серванте и стеклянные игрушки на елке, которая начала раскачиваться. Мне показалось, что книжный шкаф за моей спиной сейчас опрокинется на меня!

– Женька, – закричала я во все горло! – что это такое? Сейчас елка упадет!

– Дура, – спокойно отвечал разбуженный и слегка раздраженный от этого брат, – у нас крест от елки к полу привинчен, так что не упадет.

– Женька, сейчас шкаф на меня рухнет!

– Дура, – пересядь из этого кресла, и не ори, – опять спокойно отвечал брат, – подумаешь, землетрясение!

А потом в двери начали оглушительно звонить. Пришла соседская бабушка с годовалой Оленькой на руках и заторопила:

– Быстренько выходите на улицу, немедленно все выходите. Землетрясение! Сейчас еще толчки, наверное, будут. Опасно дома оставаться.

Кое-как одевшись, мы выскочили во двор, где во-

круг Оленьки с ее самоотверженной бабушкой столпились все дети из нашего подъезда. Всё казалось забавным новогодним приключением. И только, увидев торчащие голенькие ножки из-под одеяла, укутывающего Оленьку на 25-ти градусном морозе, я вдруг осознала своим детским умишком, что это все серьезно и страшно. СТРАШНО!

Много лет спустя, будучи взрослой, после разрушительного Спитакского землетрясения, я читала в Интернете и в газетах о том, что, землетрясение в Иркутске в том далеком году было одним из сильнейших в 20 веке в нашем регионе.

Запреты

Было несколько родительских запретов в моей жизни. И, конечно же, как каждый запретный плод, самым желанным было вкусить запретного.

Когда мне было примерно лет 5, мы жили в кирпичном многоквартирном доме, а во дворе было много деревянных домишек «под снос». Когда расселили людей из них, дома начали разбирать. Вот эти-то полуразрушенные дома, с рассыпанным скарбом, с провалившимися полами, с выбитыми окнами и манили детвору всего двора как запретный ящик Пандоры. Не было ничего желаннее, чем пойти поиграть «на руинах», как говорили у нас. Там были несметные сокровища: битые цветные стекла от самых разных ваз и сервизов. А каждый уважающий себя ребенок в те времена имел свою коллекцию цветных осколков –

предмет гордости и хвастовства. Брат со своей компанией 10-12-летних подростков пропадал там часами. А мне было запрещено не только самой туда ходить, но и рассказывать маме, где Женька гулял. Этот двойной запрет давил на плечи, отравлял жизнь и подталкивал к самым непредсказуемым поступкам.

Например, как-то «взрослый» Вовка (лет 14!!!) с соседнего подъезда предложил покатать меня на велосипеде вокруг нашего дома. Это тоже было запрещено, потому что я его хорошо не знаю, потому что за домом дорога с машинами, потому что «со двора ни ногой!» Но ведь брат ушел «на руины», он нарушает мамины запреты, значит и мне можно! И я гордо усаживаюсь на жесткую раму к Вовке, горланю громко во все горло песни и говорю ему: «Это ты не меня катаешь, это просто у тебя радио играет. Слышишь, как громко поет!»

Но однажды у нас несколько дней жил Женькин друг, потому что его родители уезжали ненадолго и попросили маму присмотреть за Мишкой. Наши мамы дружили, папы работали вместе, и ничего особенного в той просьбе не было. Это было весело – играть втроем. Я жалела только, что Мишкиного братика, двухлетнего Игоряшу тоже не оставили пожить у нас.

И вот из очередного рейда «на руины» Мишка вернулся с разорванной губой. Они с Женькой пришли все грязные, Мишка с окровавленной рожицей, и самое главное, долго что-то выдумывали и дрожащими голосами объясняли, где же они так разукрасились. Ведь о том, где они лазили, говорить нельзя!

Конечно, мама все узнала потом. Мишке зашили в травмпункте рот, маме пришлось объясняться с тетей Таней, Мишкиной мамой, почему недоглядела...

А я на всю жизнь запомнила, что мамины запреты «растут» не на пустом месте. Все обоснованно. И если мама сказала: «это опасно», значит этому можно верить.

Тщеславие

Вспоминается первый класс. Мне все удавалось. Не всегда с первого раза, порой приходилось переписывать и переделывать. Но так завела мама с самого начала: если делать, то так, чтоб сердце радовалось, душа пела. Терпение и труд... дальше сами знаете. И постепенно я привыкла, что у меня самые лучшие родители; я – одна из самых успешных в классе; моя учительница – самая лучшая в школе; моя школа – самая лучшая в городе.

Однажды на дом задали выучить одно из двух стихотворений на выбор. Первое было достаточно длинным, но написано короткой строкой с очень легкими рифмами и просто само все запоминалось. А второе было чуть короче, но с длинной строкой, такой длинной, что пока дочитаешь до конца, уже и не помнишь, с чем должна эта строка рифмоваться! Конечно же, я даже не рассматривала первый вариант. Я должна учить второй стих! Кому должна? Почему должна? Эти вопросы мне даже не приходили в голову. Должна, и все тут! Когда учительница спросила, кто учил

второй стих, я гордо подняла руку. И была в восторге, что я одна из всего класса учила такой трудный стих. Но прочитать его так, как привыкла, громко, с выражением, без запинки, так и не смогла. Я запинаясь и запинаясь, пока учительница не потеряла терпение и не прервала меня. Она поставила мне 4 с большим минусом, как она сказала «за смелость». Но меня это совсем не устраивало! Я привыкла, что все делаю на пять! Я глотала слезы обиды на себя. Злилась на себя. Но была уверена, что поступила правильно, взявшись именно за этот стих. Ни разу у меня не мелькнуло мысли, что вот выучи я тот, легкий, за который пол-класса получили пятерки, и у меня была бы пятерка тоже. Не нужна мне была такая пятерка. Я учила весь вечер тот злополучный стих и назавтра на перемене просила учительницу спросить меня снова. Она удивленно посмотрела на меня и сказала, что стих нужен был вчера, а сегодня совсем другой урок и другая тема...

Сегодня у меня другие уроки, другие темы. Почему же я все возвращаюсь и возвращаюсь мысленно к тому уроку?

Светогорские воспоминания

С какого возраста мы начинаем помнить себя, осознавать? Вы никогда не задумывались об этом? А я вот еще совсем маленькой удивлялась, когда рассказывала маме кое-какие свои воспоминания, а она говорила, что, мол, не может такого быть, я не могу этого помнить, но, тем не менее, все, что я говорила, соответ-

ствовало действительности. Родилась я в маленьком приграничном городке под Ленинградом – Светогорске. Это был городок вокруг Целлюлозно-бумажного комбината, где все друг друга знали. Переехали мы в Иркутск, когда мне было 4 года. Кажется, какие воспоминания могли у меня сохраниться?

Конечно, это отрывки, но такие яркие, такие эмоциональные и, главное, в некоторых моментах мамы не было со мной рядом. Это я к тому, что нельзя сказать, мол, это она мне рассказала, а я теперь выдаю за свои воспоминания.

Мама много раз рассказывала, что мы жили раньше в уютном двухэтажном доме, который считался самым теплым в городке. И именно в этом доме, когда жильцов расселили, открыли детский садик. Вот в этот садик я и начала ходить, когда мне исполнилось 3 года. Помню раннюю весну, широкую дорогу с густыми высокими зарослями вербы по обочинам. Мы идем утром вдвоем с мамой, и она несет большие, просто огромные (так мне казалось) ножницы. Время от времени, мама выпускает мою руку, подходит к деревьям и отрезает веточки вербы. Я с восторгом рассматриваю маленьких пушистых «котят» на веточках. Утро серое и хмурое, но так хорошо рядом с мамой, такие серенькие мохнатенькие комочки на веточках в ее руке, такие нежные листики только-только начинают пробиваться из почек. И когда я рассказываю маме об этом, уже лет в 10-12, она с удивлением говорит:

– Я никогда тебе не рассказывала такого... Откуда ты знаешь? Да, перед вербным воскресеньем я наре-

зала веточки вербы, когда отводила тебя в сад.

Помню, как однажды воспитательница попросила меня, трехлеточку, сбегать на второй этаж и позвать воспитательницу из старшей группы. Это было целое приключение! Огромная широкая деревянная лестница была расположена в центре здания. Я выбежала из своей группы и стала подниматься вверх. Примерно на середине лестницы мне стало как-то не по себе... Когда поднялась на второй этаж, я уже была маленькой испуганной птичкой, которая не знала, куда идти, в какую дверь, кого искать? Это было похоже на сказку: пойдти туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Несколько закрытых дверей на площадке второго этажа и абсолютная давящая тишина. Вот что я помню. Может быть, в саду был тихий час? Не знаю! На этом мои воспоминания обрываются, оставляя в памяти только этот страх одиночества, огромную лестницу, закрытые двери и меня, не умеющую еще совладать с этим страхом.

Следующий фрагмент из калейдоскопа моих воспоминаний относится к жаркому летнему дню. Веселую стайку детей младшей группы в разноцветных летних одежках воспитательница выстраивает парами и выводит за территорию детского сада. Мы идем по заросшей травой дорожке куда-то далеко-далеко, потом нам дорогу перегораживает колючая проволока в три ряда натянутая на деревянные колья. Нам надо пролезть между нижним и вторым рядом, а воспитательница лишь чуть придерживает проволоку со второго ряда и подгоняет каждого. Я больно обдираю ножку

с внутренней стороны бедра и одновременно цепляю спину сквозь тонкое полотно сарафана. И вот наконец, мы все на полянке, огороженной с трех сторон густыми зарослями, а с четвертой той самой проволокой. Я смотрю на нее и с ужасом понимаю, что возвращаться надо будет опять тем же путем и другой дороги нет. Всю прогулку я думаю только об этом, все время поглядывая на глубокие царапины на ноге... Воспитательница постелила одеялко, сняла кофточку, оставшись в белье, и достала книжку. Она наслаждалась солнцем, ароматом цветов и трав. Мы бегали по полянке и были предоставлены сами себе. Помню только цветовую гамму: синее-синее небо, ослепительно-зеленая высокая сочная трава, яркие цветы и много бабочек.

Уже много лет спустя, услышав знаменитое «А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты», (вспоминая рассказы мамы о жизни в приграничном городке, о том, что папа даже в гости не мог сходить, не доложившись по телефону, что он, такой-то такой-то, начальник цеха такого-то будет с 19:00 до 21:00 находиться по адресу такому-то), я вдруг начала понимать, куда нас водила гулять воспитательница детского сада!

И, когда я рассказывала маме об этих прогулках, она говорила, что такого просто быть не может! Но я не могла все это придумать, вплоть до ощущения саднящей боли в разодранных ногах и спине...

Перед Новым годом, воспитательница шепотом договаривалась с некоторыми родителями, которые могут прийти днем и во время сон-часа украсить сцену

в актовом зале для утренника. Наша младшая группа не имела отдельной спальни, и раскладушки нянечка расставляла в актовом зале, пока мы обедали. И вот, как-то накануне праздника, я долго не могла заснуть. Я увидела, как несколько мам, сняв пальто и обувь, пробираются на цыпочках между рядами раскладушек к сцене. Они раскладывали там сугробы из ваты, наряжали елку, громко перешептываясь и оглядываясь на нас, не разбудили ли кого. Я лежала, плотно зажмурив глаза, хотя так хотелось вскочить из постели, подбежать к маме и попросить ее не уходить, а забрать меня пораньше, раз она все равно уже пришла... А на сцене тем временем вырос целый лес в сугробах ватных. Под деревьями, украшенными снежно-ватными полосками, были расставлены какие-то звери. Все было сказочно красиво и таинственно. Когда все проснулись, мне никто не поверил, что это сделали наши мамы! Но я-то это точно знала! И было так обидно, что никто не верит...

Пожалуй, это все воспоминания той поры. Нет, еще одно! Зимой всё населения городка собиралось по выходным на большой горе, полого спускающейся к речке. Много лет спустя я узнала, что это была Вуокса. Мы с мамой стояли с санками наверху, а брат мой, которому тогда было лет 7 или 8, на лыжах спускался вниз. Мама истошно орала:

– Женя, на речку не выезжай! Сворачивай! Сворачивай.

Она до жути боялась, что он спустится до самой речки и, как все, продолжит свой путь по льду. Этот

ее панический страх передавался и мне. Мама и мне не разрешала на санках спускаться с горы, чтоб я не выехала на речку. И сама катала меня, бежала рядом с санками, не выпуская веревку из рук, а потом тянула в гору, запыхавшись, поправляя выбившиеся волосы, румяная и веселая. Народу на горе много. Кажется, весь городок собрался тут. Мама все время с кем-то переговаривается, постоянно оглядывается: а где же мой братишка? И время от времени выкрикивает:

– Женя, сворачивай!!!

А потом была дорога в Иркутск. Я не помню ничего, кроме того, что мы заезжали к родственникам в Ленинград, где мне разрешили заглянуть в комнатку с детской кроваткой, в которой лежала крохотная (годовалая) моя троюродная сестренка Марина. Она была похожа на куклу.

Вот так избирательна память. Я даже не помню, летели мы самолетом или ехали на поезде. И спросить уже некого, ни папы, ни мамы уже нет рядом... И даже брата уже нет...

Черная каша

Эту историю мне рассказывала мама. Иначе и быть не могло, потому что началась она тогда, когда я только родилась. Времена были для семьи трудные: жили вчетвером на одну папину зарплату. Мама категорически была против того, чтоб грудного ребенка отдавать в ясли, потому она увольнялась и сидела дома, пока

ребенку не исполнялось три года, чтоб отдать его уже в детский сад. Это я к чему? А к тому, что питались очень скромно и продуманно. От гречневой каши у мамы хорошо прибывало молоко. А это значит, что я сыта и спокойна, у мамы есть время заняться старшим сынишкой или шитьем, которым она пыталась немного подработать. А вот братик мой, Женька, гречневую кашу ненавидел! Но кто ж будет особо прислушиваться к четырехлетнему пацану? И каша неизменно была главным блюдом 2-3 раза в неделю. С молоком или с маслом. Намного реже с мясом.

Однажды утром Женька решил проявить характер:

– Не буду черную кашу!

У нас в семье с капризами разговор короткий: не хочешь – не ешь. Но другого ничего нет!

Папа всегда говорил:

– В доме полном еды умереть с голоду невозможно!

Потому никого не заставляли доедать полную тарелку. Но и в то же время:

– Деликатесов у нас нет! Ешь, что дают!

Никаких кусков после еды, перекусов предусмотрено не было.

Возвращаясь к нашей истории, надо сказать, что на обед Женька получил все ту же кашу, разогретую на сливочном масле, со стаканом молока. «Не буду черную кашу», – набычился малыш. Тут уже мама пошла на принцип. Каша убрана в кухонный стол (помните такие: две дверцы и сверху ящик для разных мелочей). Холодильников тогда еще не было, в лучшем случае авоська, подвешенная за форточкой, исполняла эту

роль. Женька, насупившись, выползает из-за стола и идет играть в комнату.

День мамы двоих малышей весь в хлопотах: и постирать, и уложить грудную дочку спать, сцедиться, нагладить многочисленные пеленки - распашонки... Вдруг мама обращает внимание на странную тишину в доме. Не шуршат странички книг, не тренькают машинки, никто не стучит в барабан и не гоняет по просторному холлу на велосипеде.

– Уснул что-ли? – подумала она и пошла искать сына. Заглянув в кухню, увидела картину: сынишка на коленках стоит у раскрытого кухонного шкафчика и руками запихивает холодную гречневую кашу в рот. Слезы навернулись на глаза. Вот! «Нельзя умереть с голоду в доме, полном еды!»

Но отчего-то радости победы не было. И с тех пор мама никогда не забывала, что Женька не любит «черную» кашу. И всегда ему предлагалось что-то еще, если все ели гречку. И папе не навязывали рыбу, которую он не ел. Рыбу ели исключительно, когда папа был в командировках, чтоб даже запах жареной рыбы его не раздражал. И меня не пытались накормить салом или картошкой пожаренной на сале или душистом растительном масле. Мне отдельно жарили на маленькой чугунной сковородке картошку на сливочном масле. И это было не потакание капризам, а просто чуткое отношение ко вкусам каждого. Потому что капризы капризам рознь.

А гречку Женька не ел до самой армии. И только там, будучи уже 29-летним офицером, ему удалось

распробовать это блюдо. Но полюбить так и не смог. Он мне сам рассказывал.

Детский сад

Часто вспоминаются отдельные дни и события из моего детсадовского детства в Иркутске. Садик наш был в маленьком двухэтажном особняке, всего на 4 группы разных возрастов. Это уже потом стали строить огромные детские комбинаты, с ясельными группами и по 10-12 групп дошкольного возраста, с удушающими запахами кухни в узких лабиринтах коридоров. А наш садик был именно «садик», маленький и уютный. Здесь все всех знали. Здесь заведующая распускала свои шикарные бусы чешского стекла и делала для девочек колечки – сверкающая и переливающаяся бусинка на ниточке. А в день рождения воспитанников подготовительной группы она приводила каждого в свой кабинет, где в двух книжных шкафах на полках были расставлены всевозможные игрушки, книжки, карандаши и краски, и предлагала имениннику выбрать себе что-нибудь в подарок!

Помню, когда мне исполнилось шесть лет, она и меня позвала к себе в кабинет. Я выбрала маленькую пластмассовую красную уточку. Она очень удивилась такому скромному выбору и предложила взять еще что-нибудь. От робости я не видела ничего вокруг, и взяла с той же полки такую же пластмассовую красную рыбку. Вера Михайловна улыбнулась, достала с верхней полки шикарную черную блестящую коро-

бочку с медовыми акварельными красками и сказала:

– Тебе скоро в школу. Вот это тебе там пригодится.

Эти краски в то время были большой редкостью. Они были яркие, сочные, да еще в металлической коробочке! И запах был у них особенный, и цвета необычные – не зеленый, а малахитовый, не красный, а малиновый, не желтый, а солнечный. По-моему, я ими рисовала все школьные годы. Мне не хотелось, чтоб они заканчивались. Мне покупались новые краски, а этими я рисовала только изредка, и рисунки, сделанные ими, мне казались самыми красивыми.

В этом детском саду нас часто кормили малиновым желе в обед на десерт. Огромную ведерную кастрюлю с желе выносили остужать на кухонное крыльцо. А самые смелые мальчишки во время прогулки открывали крышку, зачерпывали пальчиками понемногу и хвастались нам, что они уже попробовали желе!

Летом, когда в здании садика производили ремонт, вся наша детсадовская жизнь проходила на улице. Нам расставляли столики на верандах и дежурные вместе с нянечками там накрывали столы. И еда на свежем воздухе казалась в сто раз вкуснее. А потом для дневного сна расставляли прямо на участках под деревьями раскладушки. Конечно, нам было не до сна. Но полежать в кружевной тени от деревьев в жаркий день, отдохнуть от беготни под прохладной простынькой – было так славно.

Еще на участке за зданием сада сделали маленький бассейн, выложили его сверкающим белым кафелем, и там мы плескались и стояли под теплым душем, что

несказанно радовало в жаркие летние дни. Жаль, что для этих водных процедур было отведено очень мало времени. Но каждой группе перед дневным сном обязательно предписывалось поплескаться или хотя бы помыть ноги.

Самым ответственным и приятным для меня в подготовительной группе было позволение помогать няне младшей группы поднимать трехлеток после дневного сна. Несколько девочек из нашей группы будила воспитательница примерно за полчаса до окончания сон-часа. Мы спускались на первый этаж, где обитали малыши, и помогали няне будить ребятишек, чтоб она успела собрать и одеть всех к полднику. Они спали не на раскладушках, а в кроватках с сетками. Просыпались нехотя, потные, сладкие, некоторые уже описавшись прямо в кроватке. Кто-то плакал, кто-то не хотел вылезать и одеваться. Мы вытаскивали их сонных, несли на руках в туалетную и усаживали на горшки. Потом одевали тех, кто еще не умел одеваться сам. Мне казалось, что мы такие взрослые рядом с ними...

Тогда я свято верила, что мое предназначение – быть воспитателем. Причем у самых маленьких.

А однажды к нам в группу пришел новенький. Это был очень красивый мальчик, всегда опрятно одетый, очень аккуратный и вежливый. Он чем-то неуловимо выделялся из всех мальчишек. Кажется, его звали Павликом... Близился Новый год. И вдруг однажды воспитательница сказала маме, когда она забирала меня вечером, что на завтра меня и еще несколько человек из группы пригласили на елку в дом новенького

мальчика. До сих пор для меня остается загадкой, по какому принципу были отобраны приглашенные. На следующий день мама пришла за мной в детский сад пораньше, переодела во что-то нарядное и повела по адресу, который ей написала воспитательница. Это было недалеко от нашего садика. Большой старинный каменный дом совсем не похож был на обычный панельный, в котором мы жили. Квартира, в которую мы пришли, оказалась необычайно большой, было очень много гостей – и детей и взрослых. Маме сказали, когда можно придти за мной и мне показалось это очень странным. Раньше я всегда ходила в гости вместе с родителями. А тут мне предстояло остаться одной в незнакомом доме, с незнакомыми людьми. Все было так необычно, но страха не было, было только любопытство и гордость: мол, какая я уже взрослая, в гости хожу одна! Приветливая женщина радушно встретила меня и с улыбкой провела в комнату, где были дети. Это была огромная комната с елкой посередине! Обычно елки у всех стояли в углу комнаты. Но эта комната была так велика, что елку поставили посередине, и можно было обойти ее и рассмотреть все-все игрушки! Все в этом доме было необычно: множество комнат, огромные накрытые столы. Взрослые, шумно разговаривая, переходили из комнаты в комнату, а детям был накрыт свой стол в отдельной комнате. Мне запомнилась только атмосфера шумного праздника и одно событие, поразившее меня. Всем детям раздавали зажженные бенгальские огни. Я еще ни разу такого не видела: сверкающий, брызгающий искрами

фонтан на палочке. Я сильно испугалась, но любопытство пересилило, и я тоже послушно взяла в руку искрящееся чудо. От страха зажмурила глаза, сильно вытянула руку и боялась дышать. На всю жизнь осталось ощущение нереальности происходящего. Этот праздник, как чудный бал из неведомой сказки, вспоминается снова и снова. Павлик, кажется, вскоре перестал ходить в наш детский сад. Но для меня он навсегда остался маленьким сказочным принцем, живущим во дворце. И каждый год, зажигая бенгальские огни в новогоднюю ночь, я превращаюсь в маленькую девочку, однажды случайно попавшую в сказку.

Новый год на Киевской

Громко-громко тикают чужие часы. Пахнет книгами, мастикой для паркета, старым чужим домом. Из соседней комнаты приглушенно доносятся голоса. Маму почти не слышно. Папа с энтузиазмом ударился в воспоминания и что-то рассказывает дяде Боре. Наверное, интересное. Но мне не слышно. Дядя Боря вставляет свои замечания. Звонко стукаются бокалы с шампанским. Там шутят и звенят приборами. Тетя Циля, высокая, полная брюнетка с сединой, постоянно курсирует между кухней и залом, где накрыт новогодний стол. Меня отправили спать, уложив в отдельной комнате. Я не в обиде. Но я никак не могу уснуть. Столько впечатлений, что сна нет и в помине. День был жутко длинный. В ожидании новогодней ночи, в приготовлении праздничной еды, в суеде вокруг елки.

Поздний ужин, плавно перешедший в празднование Нового года. Мои родители каждый год встречают со своими друзьями, тщательно соблюдая очередность: год у нас на Байкальской, год – у друзей на Киевской, с которыми связывает многолетняя дружба. Я знаю, они вместе приехали сюда в Сибирь из Светогорска. Они всегда работали вместе. Они поют всегда одни песни. Чаще всего «Эх, рулла, ты рулла!». У них общие воспоминания и общие знакомые по работе. Даже название улицы – Киевская – мне всегда казалось таким красивым! Тем более, я знала, что мои родители когда-то жили и учились в Киеве. Но почему-то жили на Киевской не мы, а их друзья.

Я люблю бывать в этом доме. Тут все не так, как у нас. Паркетные полы скрипят под тяжелыми шагами тети Цили. И блестят. И мои новые китайские синие босоножки так скользят, словно я на катке! И когда я сижу за столом на низком диване, мне подкладывают подушку в шелковой красивой наволочке, чтоб было повыше. А мое шелковое нарядное платье скользит по шелку подушки, босоножки скользят по паркету, и я регулярно скатываюсь под стол. И все смеются!

Шикарные часы под прозрачным куполом с золотым вращающимся механизмом внутри периодически мелодично отбивают время. Я вздрагиваю каждый раз. На елке незнакомые игрушки, которые интересно разглядывать. Елка здесь, как и у нас, живая, пахнет лесом, до самого потолка. Блестят стеклянные игрушки, мигают разноцветные лампочки, переливается блестящий дождь. Вроде бы все, как у нас. Но в то же время

все совсем иначе! Это похоже на волшебную сказку. Сама атмосфера этого дома другая. Здесь высоченные потолки. Большая просторная кухня. И туалет в отдельной комнате, не так как у нас, вместе с ванной в крохотной каморке. Здесь в комнатах огромные окна, и даже в зале два окна вместо одного!

Хозяйка приносит все новые и новые удивительные блюда, одно вкуснее другого. Я знаю, что она и моя мама часто обмениваются рецептами и любят удивлять друг друга новинками. У мамы в ее кулинарной тетрадке очень многие рецепты так и подписаны «От Цили Моисеевны».

В комнате, куда меня отправили спать, живут сыновья тети Цили и дяди Бори, Лева и Эдик. Они намного старше нас с братом. И сегодня они встречают Новый год со своими друзьями. Впрочем, как и мой старший брат. В их комнате столько всего интересного! Несколько книжных шкафов. Какие-то вазы, статуэтки, модели каких-то механизмов. Так хочется все потрогать... Но я боюсь в темноте что-нибудь опрокинуть, разбить и потому только лежу и прислушиваюсь к тиканью часов, к голосам в зале, к шуму редких машин за окном. Я никак не могу уснуть. Праздничное напряжение, усталость, детское любопытство – все перемешалось и прогнало сон. И я, насмелившись, опять натягиваю свое платьишко и, скользя босоножками по паркету, щурясь от яркого света, выползаю в зал.

– У меня бессонница! – громко заявляю я.

Недорассказанный анекдот повисает в воздухе:

– О! Явление Христа народу, – сам себя перебивает

папа. Мама многозначительно переглядывается с тете Цилей, а дядя Боря примирительно говорит:

– Да ладно вам, уже утро скоро, пусть сидит с нами.

Все смеются, и праздник продолжается. Тетя Циля выбегает в кухню и приносит огромный торт. Это один из ее знаменитых тортов. Я еще не вижу его, но по шоколадному аромату догадываюсь, что это «Мишка», залитый блестящей шоколадной глазурью. Я пытаюсь поудобнее примоститься на шелковой подушке и снова съезжаю под стол. Взрыв хохота. Мне так хорошо среди этих людей. Все знакомо и предсказуемо. Сейчас все будут пить чай. И папа обязательно скажет тост «За хозяйку этого дома!» И тетя Циля будет смущаться и говорить, что моя мама ничуть не хуже стряпает торт «Наполеон» и, что мамино тушеное мясо выше всяких похвал... А мама станет говорить, что завтра непременно надо встретиться у нас дома. Потому что такая у нас традиция уже много лет... И часы на стринном буфете снова бьют громко и неожиданно. Но я уже не вздрагиваю. Я куда-то проваливаюсь, все голоса слышатся издали, словно сквозь блестящую вату, которая лежит у подножия елки. Меня окутывает переливающийся дождь. Откуда-то издали доносится звон колокольчиков. Наверное, это Дед Мороз едет на санях и везет нам подарки. Меня подхватывают сильные руки. Наверное, это и есть Дед Мороз? Он что-то шепчет мне на ухо. Чьи-то проворные пальцы расстегивают синие китайские босоножки. Меня опускают на мягкое пушистое облако, укутывают снежным одеялом и кто-то тычется мягкими губами мне в

щеку. Наверное, это олень из упряжки Деда Мороза. Я очень хочу посмотреть на него. Но глаза никак не открываются.

Чоки-чоки

Сколько разных воспоминаний теснится в голове! Кажется, что все было так давно! Новые события наслаиваются непрерывно, погребая под собой все давно прошедшее. Ан нет! Какое-то мимолетное событие, или чье-то фото, или разговор вдруг всколыхнут память. И вот, как черт из табакерки, появляются неожиданно канувшие в прошлое события, ярко, в подробностях, и кружат воспоминания, и не дают уснуть...

Когда мне было лет шесть и мы только переехали на новую квартиру, я подолгу не могла заснуть вечером. Спать меня укладывали достаточно рано, мама всегда была приверженцем строгого режима. Я лежала и долго рассматривала корешки книг в шкафу напротив моей кровати. Эти непонятные странные фамилии и имена меня завораживали – Бальзак, Фейхтвангер, Проспер Мериме, Шолом-Алейхем и др. Читать я еще не умела, но эти буквы, как узоры на цветных томах, привлекали взор и действовали умиротворяюще. Машины, проезжающие по дороге, высвечивали проектором расширяющуюся полосу наискосок, и снова и снова в луче света от фар проявлялись загадочные письмена.

В комнате родителей негромко говорил телевизор, и я прислушивалась к голосам, но что бы там ни гово-

рилось, строго-настрого было запрещено выбегать из своей спальни и любопытствовать. Хотя этот запрет я все же частенько нарушала. И удивляла родителей своим появлением. Растрепанная, в длинной ночнушке, шурясь от яркого света в «зале», я вдруг являлась из «детской», и мама неизменно восклицала:

– Ты что, еще не спишь?

А папа добавлял:

– А ну-ка марш в кровать!

Пожалуй, самым страшным наказанием в нашей семье было: «Завтра гулять не пойдешь!». В мире без интернета, без круглосуточного многоканального телевизора (передачи только вечером несколько часов по одному каналу и все!) самым интересным было общение с себе подобными. Потому что театр и кино – это изредка, чаще всего всей семьей. А вот друзья... Друзья – это особый мир! Мир, где ты можешь выбрать себе любую роль – подчинять или подчиняться, главенствовать, придумывая новые игры, или быть тихоней, ожидающей, позовут или не позовут тебя играть в компанию.

Игры во дворе были самые разнообразные: это и прятки, и «12 палочек», и «выжигалы», и просто волейбол, «Ножички» и «Земли», «Города» и «Кольцо-мольцо», «Чоки-щеки» и «Десятки-девятки», «Казачки-разбойники» и «Море волнуется раз...», «Дочки-матери», игры со скакалкой: «Матки» и «Каждый за себя», опять же «Десятки-девятки» и много-много чего еще, все сразу и не упомнишь! И главное, что все знали эти игры, от дошколят до старшеклассников! Где, когда

прервалась эта связь поколений, когда старшие обучали во дворе младших правилам этих игр?

Я помню, как приехала домой к родителям с сыном первоклассником. И оказалось, что во дворе дети не умеют играть... В нашем дворе! Где все дети – это дети моих друзей-соседей. Я вышла во двор с ними и учила их играть в мяч:

Чоки-чоки
Щеки-щеки
Лады-лады
Склады-склады
Садик-садик
Палисадник-палисадник
Ларец-ларец
Дворец-дворец
Белка-белка
Стрелка-стрелка
Колено-колени
Полено-полено...

Кажется, я уже перепутала последовательность И конца не помню... А вы помните? Ну если кто и помнит, то это кто-то из нашего поколения точно. Ну никак не нынешние дети... И, самое главное, что каждому словосочетанию соответствовали свои движения! Удивительно, но я многие из них помню до сих пор! Иногда в соседних дворах они не совпадали. Сколько было споров, если ты играл не на своей территории! Это была настоящая школа нахождения компромиссов, школа ведения словесных баталий!

Сколько было разбитых окон, потому что игра строилась на отскакивании мяча от стены дома. А сколько раз мяч влетал в открытую форточку, и надо было кому-то, самому дипломатичному, идти вызволять мяч у злобных соседей первых-вторых этажей.

А когда уставали от подвижных игр с мячом или скакалкой, приходил черед спокойных игр на лавочках. Например, таких как «Кольцо-мольцо». Когда ведущий выбирал себе пару, опуская камушек кому-нибудь в ладошки, сложенные лодочкой. Да так надо было опустить, чтоб никто не догадался, кому! Потому что, когда ведущий выкрикивал «Кольцо-мольцо, выйди на крыльцо», игрок с камушком должен был выскочить неожиданно, чтоб никто его не задержал, не схватил. А иначе не быть ему со-ведущим, вернуть на место! И после этого двое ведущих отходят в сторонку и загадывают фильм, который все будут отгадывать. Они могут только сказать из скольких слов название фильма и очень коротко, немного загадочно намекнуть, о чем этот фильм. А иногда играют «с кадриками» — это когда разрешается пересказать кратко пару эпизодов из фильма, но так, чтоб сразу никто не догадался. Как же мы изощрялись в этих пересказах! Сколько приходилось выдумывать, чтоб и правду сказать, и не выдать сразу название. Я помню, мой брат даже тетрадку завел, куда записывал все фильмы, что смотрел в кино. Впрочем, так делали многие во дворе. Там было по несколько сотен фильмов! Вот это тренировка памяти!

Игры со скакалкой – настоящее соревнование в лов-

кости. Как гордились те, которых раз за разом выбирали «Маткой» в команде. Потому что только «Матке» давалась возможность спасти неловкого игрока и «отпрыгать» за него, как впрочем, за всех неловких в своей команде. И только за себя «Матка» переиграть не могла – пропала – дальше играть будут соперники, а вы пожалуйста веревочку крутить. Не скрою, я очень радовалась, когда меня выбирали «Маткой», и такая гордость распирала, когда удавалось вывести свою команду вперед, вырвать победу у соперников!

Пожалуй, ностальгия по тем временам сегодня станет причиной моей бессонницы. Так много хочется еще вспомнить, рассказать кому-нибудь, кто так же хранит в памяти эти незабываемые моменты. Моменты побед над собой, моменты поиска истины в жарком споре, моменты поражений и поиска компромиссов. Взрослых не было рядом, они работали весь день, вечерами были заняты домашними делами, и нам приходилось учиться жить в обществе себе подобных без их подсказок. Не обходилось и без разборок, иногда доходило до драк, до обид и многодневных бойкотов. И это тоже была наша школа общения.

Первый ужин

Мне десять. Я сегодня твердо решила приготовить ужин к приходу родителей с работы. А что, уроки уже сделаны, брат в школе, в магазин за молоком я сходила... Чем еще заняться? И молоко сегодня было только разливное, пришлось возвращаться домой за банкой.

В бидончик мы давно не покупаем... Стараемся в бутылках взять, пастеризованное. Его можно сразу пить. А вот разливное мама не разрешает, говорит, что живот болеть будет, потому что в эти огромные алюминиевые фляги молоко от разных коров сливают... Вот молоко я и закипячу к ужину. Это просто, видела, как мама это делает. Газ я уже умею разжигать. Это в первом классе я боялась немного. А сейчас-то, в третьем, я не боюсь. И каждый день себе обед разогреваю. Сначала чуть воды на дно кастрюльки – это чтоб молоко не пригорело – говорила мама. Теперь молоко. Вот закипячу, и как раз к папиному приходу оно остынет. Папа любит на ужин творог с молоком, но обязательно с холодным. Горячее у нас пьют только когда болеют. С медом и содой. От кашля. А еще на дно кастрюльки надо «сторож» положить! Это такая белая эмалированная штучка чуть изогнутая, которая застучит, когда молоко закипит. И не убежит молоко тогда. Вот только куда мама его положила? Нигде нету. И в столе кухонном поискала, и в ящичке с разными мелочами – крышками, пробками, свечками, спичками... Чего тут только нет! Ну и ладно, покараулю сама, и без сторожа этого обойдусь! Главное, не отвлекаться... И чего оно так долго не закипает? Скучно же так на него глядеть. И отойти нельзя! Хорошо, что кухня у нас маленькая, и окошко рядом. Там уже гулять кто-то вышел? Ой, кажется Борька уже гуляет... А Кости нет, друга его. Ну, конечно, он со второй смены, он же еще в школе. А с кем же Борька-то там? Ничего не видно из-за деревьев... Надо тюль отдернуть, будет лучше видно!

Ой, что же это! Куда же ты побежало-то! Где прихватки??? Полотенцем что ли схватить кастрюлю? Ааааа! Газ надо выключить! Ох, ну и натворила я дел! Молока-то совсем на доньшке осталось... Эх... Мама не похвалит. Ладно, сейчас вымою плиту и картошки нажарю. Папе молока хватит, а мы с братом завтра еще купим...

Сколько же ее начистить надо? 4, 5, 6... Хватит наверное? Мама на этой сковородке жарит, и я ее возьму! Сковородник слетает, правда, но как-то же мама управляется?

Ох, как скворчит масло! Сейчас я помешаю, не ворчи ты так! Ну вот, пока последнюю нарезала, первая пригорела немного... Посолить бы не забыть. Ну вот, опять пригорело. Сейчас-сейчас, я еще помешаю... Что-то совсем мало картошки-то получилось... Я ж много начистила! Почему же так? Ой, а посолить-то так и забыла!

Ну вот и мама с папой! Неужели уже так много времени?

– Мама, папа! Я вам ужин приготовила! Только... молоко убежало... А картошки почему-то так мало вышло? Я много начистила, а она вся как-то съежилась. И пригорела немного... Мама, но нам же хватит поесть этого? Мама, нам всем хватит? Ну, или я могу не есть... если мало будет!

– Что ж ты дочка, даже разуться, пройти нам не даешь? Не переживай ты так, всем хватит, – а сама улыбку прячет.

Увидела мою сковородочку с почерневшими поджарочками... Глаза прячет:

– Ох, молодец-то ты какая, ужин нам приготовила!
А мне отчего-то плакать хочется...

Директор кукольного театра

Все началось со старой ширмы, обтянутой мешковиной. Мы нашли ее в кладовке, которую нам, шести-классникам, велели разобрать и выкинуть из нее весь мусор во время генеральной уборки в школе.

Надо сказать, что такие генеральные уборки в школе проводились довольно часто. Я уже не помню, раз в месяц, или раз в четверть? Но это было одной из составляющих учебного процесса. Кто-то генералил в классе, мыли парты, оттирая ластиками и тряпками все, что накарябано ручками и карандашами на партах и столах, мыли двери, панели и, конечно, полы. Хотя полы дежурные и без того мыли ежедневно после уроков. А часть старших классов мыли панели и полы в коридорах, спортзале и актовом зале. Десятиклассниками мы даже мыли огромные окна в спортзале. И это было особое развлечение, потому что окна те были очень высоко и залезть на подоконник, как и спрыгнуть с него, без посторонней помощи нам, девчонкам, было просто не под силу. Вот тут наши галантные одноклассники с удовольствием нам помогали, а мы с не меньшей радостью принимали эту помощь. Потому что в 16-17 лет это было вполне понятно и просто необходимо! Оттого мытье окон превращалось в довольно приятное, увлекательное занятие, и ни у кого

не возникало желания протестовать против такого нелегкого задания.

Так вот, в одну из таких генеральных нашему 6 «А» было велено разобрать захламленную кладовку. Это было совсем небольшое помещение, забитое поломанными партами и стульями, огромными плакатами из ватмана, флагами и знаменами и еще бог весть чем. Вот среди всей этой неразберихи мы нашли ту старую огромную ширму для кукольного театра. Она была обшита мешковиной, но была исправна, складывала свои створки ровно, превращаясь в достаточно компактную конструкцию. С разрешения нашего классного руководителя мы притащили ее в класс. Конечно, я сразу вспомнила, что буквально пару лет назад я получила в качестве приза на выставке поделок у мамы на работе прекрасного Петрушку для кукольного театра! Вот этот вечно улыбающийся чудик в яркой атласной рубашке, темно-фиолетовых атласных же штанишках и желтых пластмассовых сапожках, с ярким полосатым бело-голубым колпаком на голове и стал первым, самым главным артистом нашего театра. Первый спектакль с единственным действующим лицом был поставлен к ближайшему классному часу. Дело в том, что наша «Еленушка», а вернее Елена Ефимовна, математик и классный руководитель 6 «А» была приверженцем самостоятельности учеников. Она имела специализацию и математика, и филолога, и всегда говорила: «Если я классный руководитель, то я и должна РУКОВОДИТЬ, т.е. ВОДИТЬ РУКАМИ!» Потому классные часы мы часто проводили сами на разные

темы, готовясь заранее. И родительские собрания проводили сами, выписывая оценки из журнала на «Экран успеваемости» на листе ватмана, делая доклады для родителей на темы, которые подбирала «Еленушка».

Наш спектакль, «продергивающий» разные провинности одноклассников, такие как драки, опоздания, невыученные уроки — все то, что раньше отражалось в стенных газетах, так популярных в те годы в школе, очень всем понравился. Ребята воодушевились и стали приносить кукол для театра из дома. Так у нас собралась целая труппа: Старик-старуха, Лиса, Ежик, Волк. Отдельного представления заслуживает Старик-старуха. Потому что на самом деле это была Старуха. Но под красивым чепцом с кружевами у нее обнаружилась абсолютно лысая голова! Потому в зависимости от сюжета она часто выступала в роли Старика! А в юбке она или в штанах, не особо и видно было из-за ширмы.

Ширму мы, конечно, привели в порядок, почистили, как смогли, даже наклеили какие-то картинки веселые на ее лицевую сторону. Самым обидным оказалось, что она была для нас низковата, и чтоб голову артиста с куклой не было видно зрителям, нам приходилось пригибать колени или сильно наклонять голову, поднимая кукол на вытянутых руках. Это было трудно, мы сильно уставали, но нам очень нравилось придумывать новые спектакли. Находкой оказалась книга Драгунского «Денискины рассказы». «Все тайное становится явным» — стал нашим любимым спектаклем. И неважно, что роль мамы исполняла Старуха, роль

прохожего – Ёж, а милиционером был Волк в милицейской фуражке.

И, конечно, главным действующим лицом, Дениской, был Петрушка!

Мы были вдохновлены, юны и бесшабашны! В зимние каникулы мы, связав трое санок поездом, грузили на них нашу ширму, упаковывали тряпочных артистов и кукольную мебель для декораций в маленький чемоданчик-балетку и ездили по окрестным детским садам, предлагая посмотреть наш спектакль. И нас пускали в детские сады! Без предварительной договоренности, без лишних вопросов. Это сейчас кажется таким удивительным! А тогда было естественно и в порядке вещей.

Когда летом, уже после окончания 8 класса, я с мамой возвращалась из Анапы через Москву, моей единственной просьбой было купить в «Детском мире» кукол для театра. Я их увидела в магазине и не могла глаз отвести. Какие они красивые, как их много! Почему-то в Иркутске таких совсем не продавали. Мама быстро поддалась на уговоры, и мы купили несколько штук. Помню, что среди них была девочка, видимо, Внучка из Репки, был рыжий Пес, очаровательный светло-серый Зайка и Лягушка с Мышкой. Я была счастлива! Наши спектакли получили новое развитие, а я получила звание Директора Театра. Я носила его гордо, со всей ответственностью. Но недолго. Увлечение театром плавно сошло на нет, появились новые увлечения, новые влюбленности, ведь мне уже исполнилось 15...

Когда мой сын пошел в детский сад, мама прислала мне в Братск тот чемоданчик-балетку, набитый битком куклами для театра. Мы унесли их в детский сад сына. Их встретили с восторгом. Так наш театр получил вторую жизнь.

Смех без причины

«Смех без причины – признак дурачины!» – эта фраза папы часто прерывала безудержное веселье. И не то чтобы папа был угрюмым бирюком. Но, наверное, сильно уставший после работы, продолжающий часто и дома свою мыслительную деятельность (ведь у инженера всегда ненормированный рабочий день!) папа просто иногда хотел благословенной тишины. Потому и строжил нас иногда. Но мы не сильно обижались.

Часто можно было наблюдать картину, когда, особенно за едой, на нас с братом вдруг напал беспричинный неумный смех. Мы пыжились, чтоб сдержаться. Оттого прыскали еще пуще прежнего. Часто давились от смеха. Что, конечно, не вызывало одобрения папы. Он начинал издали:

– Смешинка в рот попала?

– Ха-ха-ха!

Папин взгляд выцеплял зачинщика, по его мнению:

– Выйди из-за стола и пойдешь просмейся!

Один из нас удалялся в свою комнату. Тишина. Слышно только звяканье вилок по тарелкам.

– Ну иди уже, а то все остынет!

Виноватый, пряча глаза, входит в кухню. И только

мы с братом встречаемся глазами, взрыв хохота потрясает нас.

– Оба, выйдите вон! – багровеет отец.

Мы выскакиваем из-за стола и выбегаем в зал. Стоим, переглядываемся. Не смешно! Ну ни капельки не смешно!!!

– Ну что, кушать-то будете? – доносится из кухни.

– Идите уже, остыло же все! – вмешивается мама.

Мы бочком втискиваемся в кухню. Едим, не поднимая глаз. Потому что знаем, стоит нам встретиться глазами, и все повторится сначала. Но уже прощения не будет, и останемся голодными до утра.

Но самое смешное было в том, что никто и никогда не мог бы сказать, с чего все началось, что такого смешного произошло в тот момент! Вот просто смешинка в рот попала!

Уроки музыки, или почему в нашей семье нет музыкантов

– Мам, запиши меня на музыку!

– Ни за что!

– Мам, ну запиши-и-и-и. Я хочу на пианино играть!

– Нет, нет и нет!

– Ну почему???

И такой диалог изо дня в день. И снова, и снова я канючу, прошу, пристаю к маме. Но она неумолима:

– Ни за что!!! Потому что меня заставляли играть на пианино. Так заставляли, что я его возненавидела! Так возненавидела, что, когда в 11 лет умерла мама, моей

первой мыслью было: теперь никто не будет заставлять меня играть! И я всю жизнь стыжусь этого.

И вдруг в один прекрасный день:

– Мы с тобой пойдем сегодня записываться в музыкальную школу!

Мне было 8, и радости моей не было предела. Я кружилась, пела, торопила маму и от нетерпения приплясывала на ходу.

Вот мы уже идем на прослушивание в музыкальную школу.

Несколько человек мужчин и женщин со строгими лицами сидят полукругом. Посреди комнаты огромное пианино. Я еще не знаю красивого слова «Фортепиано». Мама осталась в коридоре. Я одна перед чужими людьми. Ничего не соображаю. Помню только одно задание из всех: прохлопать ладошками тот ритм, что отстукал кто-то из комиссии по столу. Судорожно повторяю. Сама слышу: явно что-то не то, пытаюсь повторить, сбиваюсь. И жутко стесняюсь.

Потом мама о чем-то недолго шепталась с милой молодой женщиной из той комиссии. Дома меня поставили перед фактом: инструмент мне пока не покупают, потому что слишком дорого. А мне может еще и не понравится! И куда потом его девать? На занятия в музыкальную школу ездить слишком далеко, в центр города. А я еще мала для таких поездок в автобусе. Потому ходить буду поближе, всего-то 2 остановки от дома. Ходить буду домой к той милой молодой преподавательнице, которая сейчас в декретном отпуске и занимается на дому. И вот, если я год прозанимаюсь

успешно, тогда мне и инструмент купят, и в первый класс музыкальной школы она меня возьмет, когда выйдет на работу из декрета. Да, умеет моя мама договариваться!

Вот и первое занятие. Я у инструмента. Квартирка у преподавательницы маленькая, однокомнатная с крошечной кухней. Молодая женщина усадила меня на специальный стул. Малышка ее спала. А она учила меня целый час опускать правильно кисти рук на клавиши. До сих пор в ушах стоит «опускаем ручки, как в таз с водой... расслабленно. Чтоб не было брызг».

Примерно через три-четыре занятия я уже пыталась играть крошечные упражнения под спокойный голос преподавателя:

– Раз-и, два-и, три-и, четыре-и... Ирочка, ложечку за папу, Ирочка за маму, раз-и, два-и...

Мама с восьмимесячной дочкой в кухне, я за инструментом в комнате...

– Раз-и, два-и

– Ирочка, за маму, Ирочка, за папу

– Раз-и, два-и...

– Играй, играй, я же все слышу!

В начале мая мне выдали драгоценную потрепанную книгу «Школа игры на фортепиано» и объявили:

– Вот здесь я отметила красной «галочкой» сто упражнений. Ты должна их проиграть самостоятельно за месяц. В июне я приеду с сессии, и ты мне их все проиграешь!

Сказать, что я была в шоке от грандиозности предстоящего мне, это не сказать ничего!

Как вы помните, инструмента у меня не было. До сих пор не могу понять, почему родители не взяли хотя бы в прокате его? Тогда это было весьма распространено... Но мне мама предложила ходить тренироваться у соседа Вити с четвертого этажа. И вот начались мои мучения.

– Здравствуйте, Сара Григорьевна! Можно я у вас немного потренируюсь на фортепиано? Мама с вами договаривалась...

– Раз-и, два-и,

– Три-и, четыре-и

За спиной шорох и сдавленный смешок. Оборачиваюсь, а там Витька, смехом давится, на меня пялится! Он всего на год меня старше, уже в третьем классе. Но музыкой занимается лет с пяти. Страшный-страшный, толстый, неуклюжий.

– Мам, я не пойду больше к Витьке заниматься!

– Ну хорошо, тогда иди к Лене, что из твоего класса. Я договорюсь с ее мамой, мы так сдружились с нею, она не откажет!

Лена живет через остановку от нас.

Неделю тяну: то дождь на улице, то солнце и хочется погулять во дворе с подружками. Но время идет, а задание висит надо мной тяжким грузом.

Собралась с духом.

Прихожу к подружке:

– Можно я поиграю у вас на фортепиано?

– Ой, у меня папа спит. Он всю ночь на работе был.

Через день:

– Можно я потренируюсь?

– Тссссс! У нас сестренка Маринка заболела, спит с температурой. Мама велела не шуметь! – шепотом в щелку двери сообщает Лена.

Дни бегут быстро-быстро...

Незаметно прошел месяц. Скоро-скоро приедет мой преподаватель, а я так и не проиграла те сто упражнений! Какой ужас! Я так не привыкла. Все внутри меня бунтует. Мне стыдно. Мне не хочется идти с невыполненным заданием на урок. После долгих душевных терзаний я подошла к маме и тихо робко спросила:

– Мам, ты за сколько месяцев вперед заплатила преподавателю?

– А что? – Радостно блеснула очками мама: – Тебе уже надоело???

Никакие мои попытки оправдаться, сослаться на то, что мне негде заниматься, мама не слышала. Она радостно кивала и говорила:

– Ну я же предполагала, я же знала! Как хорошо, что мы не потратились на инструмент! Я так и знала, что это быстро пройдет!

И в очередной раз я слушала семейную сагу о том, как заставляли маленькую девочку осваивать нотную грамоту. И что в нашей семье никто никого заставлять не будет. Чтоб не культивировать ненависть. Чтоб все занимались только любимым делом.

Мамы нет давно. Но детская обида, что меня не поняли, не дали мне всерьез заняться тем, что меня влекло, тянуло, так и не проходит. Сидит глубоко-глубоко сомнение: а правильно ли поступила моя мама, которая для меня была непогрешима, всегда права, всегда

на высоте в своих педагогических приемах?

Я не знаю, как долго я занималась бы в музыкальной школе, хватило бы мне прилежания и терпения освоить музыкальные премудрости в полном объеме, но тот факт, что мама сделала все, от нее зависящее, чтоб отвадить меня от желания музицировать, не дает мне покоя. А может быть, я оказалась слишком слаба в своих стремлениях?

И своим детям я не посмела даже предложить освоить какой-нибудь музыкальный инструмент. Почему? И они никогда не проявляли интереса к занятиям музыкой. Почему? И пластинки в доме были, и слушались с удовольствием. И магнитофоны были. И даже гитару я приобрела и страстно желала научиться играть на ней, потому что уже сочиняла свои романсы. Потому что уже пела! Но так и не смогла освоить даже азы игры на гитаре. Потому что было поздно. Потому что рука уже не могла зажимать струны так, как надо, сказывался и возраст, и травмы руки, полученные на катке. Теперь висит бедная моя гитара, ждет долгожданных гостей, умеющих извлекать из нее волшебные звуки. Да стихи пишутся о скрипке, флейте, фортепиано... Ну хоть стихи! Этого мне никто не запретит. И уже никто не посмеет вставлять палки в колеса моих желаний, даже из самых лучших побуждений... Прости меня, мама. Я должна была все давно забыть и простить тебя. А вот точит и точит давняя обида за несбывшееся.

Как я вступала в ряды ВЛКСМ

В школу я пошла почти в восемь... Уже в декабре в 7 классе мне исполнилось 14 лет. И вот с того самого дня я вбила себе в голову, что надо вступать в комсомол. Зачем надо? Почему надо? Не задавали мы тогда таких вопросов ни себе, ни кому другому. Надо и все. Соседка моя и подруга с детства Вера, хотя училась всего на год старше меня, но уже была секретарем комсомольской организации школы. Пришла я к ней как-то вечером и спрашиваю, как вступать-то? Она и объяснила мне, что вот когда в классе многим исполнится по 14, тогда всех сразу и примут. Не устраивать же из-за тебя одной мероприятие. И вдруг весной находит меня Вера в школе на перемене и сует в руки тоненькую потрепанную брошюрку «Устав ВЛКСМ».

– На вот тебе, всего на одну ночь даю! Завтра будем собирать комитет комсомола, ваших принимать будем! А послезавтра уже в райком все пойдете на собеседование!

Почитала я ту брошюрку, с подружками утром в школе «знаниями» поделилась, читать-то им уже некогда было! В школе все гладко прошло, даже и в памяти не осталось ничего от того заседания школьного комитета комсомола. А вот назавтра...

Назавтра нас сняли с уроков, всех, кому 14 «стукнуло» на тот момент. Не помню, сколько нас было, может человек 10, может 15... И пошли мы с Верой и двумя ее подружками, членами комитета комсомола школы, в райком. Это несколько остановок от школы, рядом

с ЦПКиО. Пришли, а там целое столпотворение! Из разных школ ребята собралось со всего района... Еле-еле в актовый зал все поместились. В зале кресла стояли плотно, три ряда кресел по 10-12 штук подряд и два прохода между рядами. А уж в длину зала, наверное, рядов тридцать, не меньше. Кто-то выступал со сцены, где сидел президиум из десятка взрослых мужчин и женщин. О чем говорили, никто толком и не понял. А потом один дяденька встал и сказал:

– Ну, что будем делать, друзья?

Зал притих.

– Вас так много, что если начнем беседовать с каждым, то на несколько дней все растянется! Есть предложение, давайте от каждого ряда представителя поспрашиваем. Если он все ответит по уставу, то будем считать, что весь ряд и принят!

В зале одобрительно загудели. Вера и ее подружки решительно меня вытолкнули от нашего ряда отвечать. Я попыталась сопротивляться, а Вера говорит, мол, я ж одной тебе устав учить дала, остальные-то не знают! Сердце мое колотилось бешено, но деваться некуда. Весь зал на тебя смотрит, неловко своих-то подводить. Со страху я на все вопросы ответила, где сбивчиво, где решительно. Разрешили мне сесть и стали спрашивать делегатов от двух других рядов. А на меня такая радость напала, стресс наружу смехом стал вырываться. Девчонки тоже, подружки Веры, рады радешеньки, что все у меня получилось. Сидим, чирикаем, хохочем. Совсем страх потеряли. Вдруг кто-то на сцене встал и громко-громко нас окликнул:

– А кому это так весело у нас на таком важном мероприятии? Ну-ка, все встаньте! Встаем втроем. Зал притих, и все на нас пялятся.

– Кто такие? Какая школа? Вот мы вас сейчас и поспрашиваем! Ну-ка все на сцену живо!

Через весь зал (а мы в самом конце сидели) плетемся на сцену, щеки горят, коленки трясутся. Называем себя по очереди. Как услышали эти важные на сцене, что девчонки-то уже комсомолки, члены комитета школы, так сразу им и сказали, мол, идите ждите в коридоре, с вами отдельный разговор будет о вашем членстве вообще! Мне так девчонок жалко стало, хоть реви! Это ж из-за меня они попали в переplet. До меня очередь дошла, а зал весь как закричит, мол, вы ее только что спрашивали, она за весь ряд отвечала самая первая. Вы бы видели, какое злорадство было на лицах всех в президиуме!

– Вот мы ее еще поспрашиваем, раз ей так говорить охота, пусть тут со сцены теперь говорит.

И стали мне все наперебой вопросы по уставу задавать. Наверное, со страху и с психу память моя заработала на полную катушку. Ответила я на все вопросы. Выдохлись они. И тут одна женщина решила «включить» тяжелую артиллерию. Год учебный заканчивается, май месяц на дворе.

– Сколько троек за год у тебя намечается?

– Ни одной...

– Сколько четверок?

– Ни одной...

– Отличница что ли?

Говорить я уже не могла, только кивнула, судорожно пытаясь не расплакаться. (Стыдоба-то какая, пришла в комсомол вступать, рева-корова)

– Есть предложение – принять! – голос ее мне показался растерянным, мол, я все сделала, чтоб ее потопить, но вы же сами видите...

Приятно было слышать облегченный вздох зала.

Конечно, мы не пошли досиживать остальные уроки. Мне надо было снять стресс, и я предложила всем пойти в парк, отметить радостное событие. Только тревога за девчонок, оставшихся на разборки в райкоме, не давала мне покоя.

И все же это были удивительные времена! Даже такое неприятное «вступление» в ряды этой организации не отравило нашу веру в то, что все делается правильно, что «верной дорогой идем, товарищи...» То ли такими слепыми мы были, то ли так сильны были поводыри?

Взросление

1

Праздники в нашем доме любили все. Особенно любимыми были дни рождения. Мама умела создать удивительно теплую атмосферу торжества. Подарки готовились заранее, задолго. Их должно было быть непременно много, не обязательно дорогих, часто просто пустяшных. Но это должны были быть непременно сюрпризы, со смыслом, или просто нужные и давно желанные вещи.

Для детских праздников покупалось заранее много сюрпризов-сувениров, которые дарились гостям за выступления в импровизированном концерте или в качестве приза за ловкость, а, может быть, как поощрительный приз за то, что опростоволосился и не сумел стать первым в игре.

На стол обязательно готовилось много сладостей и разнообразной снеди, причем все мама стряпала сама. Покупные торты у нас не жаловали. Пирогов мама не умела стряпать, а вот по разным печеньям, пирожным и тортам она была мастер! Папа привозил из командировок разные дорогие конфеты и восточные сладости, и это был настоящий пир!

Мои друзья, даже уже в подростковом возрасте, ждали всегда моего дня рождения с нетерпением, почти так же, как и я сама.

День моего семнадцатилетия был единственным грустным праздником в моей жизни. Воспоминания о нем я всегда глубоко прятала от самой себя.

Незадолго до этого я поссорилась со своим любимым. Впрочем, нет, это была не ссора. Просто мне дали понять, что мы разные люди, что никакой любви между нами нет, что дальше наши жизненные пути пойдут врозь. Я никак не хотела с этим смириться. Не верила. Такого не может быть! Зачем тогда были поцелуи тайком? Зачем были страстные объяснения и планы на будущее? Вся моя жизнь последний год состояла из встреч и расставаний. Я не помню тот год в школе, не помню никаких событий кроме его рук,

глаз, губ, кроме наших поездок с ночевками в палатках, кроме его смешных песен под гитару...

Конечно, я пригласила его тоже, как и всех моих друзей из нашей общей компании. Очень старалась забыть, что вот уже не одну неделю он не приходит к нам во двор, не смотрит в мою сторону, не звонит. У него другая компания, как сказали мне ребята... Я не верила.

Приходили гости один за другим, а его все не было. Я старалась не подать виду, как мне плохо, улыбалась друзьям, рассаживала всех за столом, старалась быть веселой именинницей. Звонок в дверь посреди праздника раздался неожиданно громко. Кинулась к дверям. Наконец-то!

Он пришел с огромным желтым плюшевым медведем, страшным и несимпатичным, громко рычащим, если его перевернуть вверх ногами... Он пришел со своими новыми друзьями, которых я вовсе не знала. И это было как пощечина. Мой праздник был испорчен бесповоротно. Я улыбалась и что-то лепетала. Приглашала в дом. Впервые в жизни я была неискренна. Была просто ошеломлена, опрокинута, смята. Не помню, что было дальше. Кто-то смеялся, танцевал, веселился. Я совсем не помню ничего.

Когда все ушли, оглушительно тихо стало дома. Желтое чудовище стояло в углу и глядело на меня бусинками-глазками. Он ни в чем не был виноват, этот мишка. Наверное, поэтому я не смогла его выкинуть. Он долгие годы жил у нас. Даже когда я уехала из этого дома, он остался там и ждал меня. Каждый мой

приезд он встречал меня, рычал и пугал моего маленького сына. Пылился и снова ждал моего нового приезда. Давным-давно мы выяснили все отношения с моим любимым. Но он так и не узнал, что тот нелюбимый желтый чудик долго-долго напоминал мне мое семнадцатилетие. Он был тем самым напоминанием, что в 17 лет пора становиться взрослой, снимать розовые очки и понимать, что мир населен не только добрыми и красивыми людьми. Спасибо тебе, золотистое чудо.

2

Я не знаю, зачем это сделала...

Это случилось, когда мама умирала, а мы все видели и понимали, что она угасает... Непостижимо рано, необъяснимо быстро. Она сгорела в два месяца. Не дав нам опомниться, осознать происходящее, приготовиться хотя бы мысленно. Ей было всего 60. Только-только родилась долгожданная внучка, моя Машенька, которую она вымолила у небес. Она сама мне так и сказала «Я вымолила внучку у Бога», хотя много лет она считала себя непримиримой атеисткой.

Я пришла домой после ночного дежурства у мамы. Было такое ощущение, что все внутри меня умерло, онемело, я не чувствовала ничего. И вдруг лихорадочно стала искать мои старые юношеские тетрадки, которые оставила дома, уезжая после института, выйдя замуж. Они хранились дома уже много лет. И вдруг именно сейчас я поняла, что, если не станет мамы, хранительницы моих архивов, то кто-нибудь чужой

сможет найти их, прочитать, не понять, посмеяться или выбросить. Я в каком-то лихорадочном бреду схватила старую кастрюлю, спички и в ванной комнате (почему в ванной???) устроила сжигание рукописей. Это было ужасно... Пламя взвивалось высоко, коптя потолок ванной, обжигая мое лицо и руки. Раскаленная кастрюля грозила прожечь линолеум на полу, а я в каком-то исступлении рвала и бросала в пламя все новые и новые тетрадки, исписанные моим смешным детским почерком. Это были первые пробы пера. Юношеские рассказы. И даже неоконченная повесть. И только когда я поняла, что могу просто спалить весь дом, залила огонь водой из душа. И, сидя над этим нелепым пожарищем, в слезах, вдруг подумала: «Зачем я это сделала? Я же могла просто забрать с собой все свои записи, полудневниковые, искренние как первый снег, трогательные как пальчики у новорожденного... Я могла просто увезти это с собой в свой новый дом... Пусть бы потом когда-нибудь мои подросшие дети почитали и проникли в мой мир. Зачем я это сделала???».

Наверное, кто-то, сидящий глубоко во мне, решил, что раз не будет мамы, то вместе с этим умрет что-то важное, та часть меня, которая принадлежала ей.

Через несколько дней мамы не стало. В тридцать лет, уже имея двоих детей, я, наконец, стала взрослой.

Чудеса случаются

Вот это воспоминание вовсе не относится к моему детству. Но почему-то мне кажется, что оно вполне уместно именно тут.

В преддверии очередного Нового года жизнь была наполнена предпраздничной суетой. В те далекие восьмидесятые годы 20 века мы жили небогато, трудно, но счастливо. Сашке не было еще и трех лет, и каждое 31 декабря он радовал нас температурой под 39 градусов. Потому создать дома праздник для меня было делом первостепенным. Я словно чувствовала, что и в этом году нам не удастся выбраться в гости, повеселиться с друзьями, почувствовать себя свободными и юными. Так сложилось, что в этом году муж не сумел заблаговременно привезти нам елку из лесу. Каждый год он получал «порубочный билет», ездил со своими сотрудниками в лес и рубил елки на всю организацию. Но в том году что-то пошло не так. И вот уже 31 декабря, а елки у нас так и нет!

В том году нам повезло и 31 декабря выпало на субботу! Рано утром я бегу к ближайшей елочной ярмарке. У торца магазина уже собралось несколько таких же страждущих купить елку. Мороз градусов под 30. Все переговариваются вполголоса, обсуждают, как скоро может прийти машина с елками. Через пару часов руки и ноги дубеют до невозможности. Соседний магазин еще закрыт, значит, нет 11-ти, и потому погреться просто негде. Запомнив несколько человек из очереди, договариваюсь, что сбегая домой погреться и, уже не чувствуя совсем рук и ног, убегая. Срезаю дорогу через соседний двор, чтоб хоть на пару секунд приблизить желанное тепло дома. Пробегая с тыльной стороны соседней пятиэтажки, вдруг замечаю в ветвях тополя, растущего прямо под балконами, небольшую

елку, свисающую вниз макушкой. То ли упала с какого балкона, то ли выбросили за ненадобностью? В те времена частенько случалось, что елку покупали, например, и в тот же день кто-нибудь привозил из лесу. И от второй, конечно, избавлялись, дарили соседям или родственникам, а то и просто выбрасывали.

Я вглядываюсь в окна всех пяти этажей над тем тополем. Никого, выглядывающего из окна. Улица тоже пуста. Будет ли воровством, если я просто заберу эту елку для своего сына? Мне неловко, но так хочется достать эту елку... Она не очень высоко застряла в ветвях. Но мне с моим невеликим ростом и это проблема... Найдя неподалеку на свое счастье длинную палку, я пытаюсь потеревить нижние ветки тополя. Еще немного усилий и вот, заветная елочка уже у меня в руках. Неказистая, не очень пышная, если не сказать, обшарпанная и жалкая, не больше метра в высоту. И, хотя мы привыкли ставить даже в нашей однокомнатной квартирке елку до потолка, я безумно рада этому сокровищу, буквально упавшему с неба!

Домой прихожу довольная, словно я и есть тот Дед Мороз, несущий радость и счастливые улыбки малышам.

К сожалению, это чудо нас не спасло: к вечеру у Сашки снова 39, 4! Но у нас уже была наряженная елка, праздничное настроение в доме и даже болезнь сына не омрачала наше семейное счастье. Я точно знала: чудеса случаются, надо только очень верить! Значит, все будет хорошо!

РАССКАЗЫ

Бессонница

Ночь плескалась за окном, набегая волна за волной. Казалось, где-то совсем рядом нарастает глубокий вдох тишины и постепенно поглощает все звуки. Беззвездное небо нависает все ниже и ниже, прибывая к земле еще оставшиеся одиночные редкие звуки. Бессонница обнимает, просто душит в своих объятиях, и скомканные жаркие простыни оставляют рубцы на теле. Воздух густеет и никак не удается вдохнуть, словно это уже и не воздух, а кисель, загустевший сверх меры, потерявший вкус и аппетитный вид.

Неожиданно пришла мысль, а может и не пришла, может, все же приснилась в тот короткий миг, неумовимо отключивший мозг? Да какая теперь разница, если все равно я опять не сплю, и эта мысль сверлит и свербит, и не дает покоя? Если б тебе предложили на выбор два варианта? Первый – прожить еще лет 10-15, вот так, как сейчас, на скупую пенсию, честно заработанную, но не дающую возможности разнообразить свою жизнь? Ни мир посмотреть (а как хотелось бы, ведь все время откладывали на потом, потом...) Ни приодеться красиво, стильно (а когда ж было одеваться-то, сначала детям, все уже мало, повырастали, потом мужу – обносился совсем, стыдно, скажут, мол, жена совсем не следит...) Ни ремонт красивый в доме сделать (раньше надо было, раньше...) А когда, если сначала жили с родителями, потом в однушке десять лет в нетерпеливом ожидании, потом наконец получили долгожданное жилье, так тут и «перестрой-

ка» подросла: в магазинах пустые полки и ни мебели, ни штор, ни обоев, ну ничегошеньки не купить... А потом детей учить надо было, не до ремонтов уже... Или второй – вернуться и начать жить сначала! Только одно условие при этом: нельзя будет в той новой жизни изменить ни дня, ни мгновения. Все-все будет повторено с точностью до мини-события.

Вот тут-то я и встрепенулась, забыв о бессоннице.

Вот бы здорово, опять в детство, к маме, к домашним праздникам с сюрпризами! К папиным чтениям в лицах, к разгадыванию головоломок, к подаркам из его командировок? К новогодней елочной суете и маминому «наполеону» с ванильным кремом? Ага, и к наказаниям за малейшую ложь? К «Спать, спать, уже 9 часов. Ну и что, что светло и другие гуляют?» Опять к дракам со старшим братом и злым слезам бессилия?

Зато снова – первые трепетные поцелуи, даже не поцелуи, а робкие касания губами... Ночи у костра, шепот в палатке, обжигающее купание среди льдин на 9 мая...

И памятное 10 июля, когда босиком под жутким ливнем с молниями в полнеба через весь город, с бо-соножками в руке, в обнимку с самым замечательным, любимым, которому именно в тот день исполнилось 15 лет? Нет-нет, потом будет очень больно, будет выпускной, когда он будет танцевать с другими и не замечать тебя... Я не смогу снова пережить это...

И снова пережить ту невыносимо тяжелую беременность, те страшные дни-весы, когда каждый день решалось: выношу-не выношу желанного ребенка? И

бессонные ночи, мучительные болезни сына? Страшные диагнозы врачей и борьба за его здоровье? Но зато потом счастливые мгновения гордости: вот он участник конкурса бальных танцев, смотрите – самая красивая пара – это мой сын! Вот он выпускник, студент, гордость моя, счастье мое!

И снова смерть мамы, потом папы? Нет, это невозможно. Я не могу даже вспоминать эти взгляды, которые уже там, где нет никого живого, а рука еще сжимает твою руку, словно просит не отпускать туда... Я не смогу снова пройти через это. И чувство вины, будто можно было что-то предпринять, удержать их здесь, в этом мире, но я не знала, что надо для этого сделать...

И опять пережить развод??? Пережить то, что перечеркнуло столько счастливых лет, то, что наполнило душу едкой кислотой лжи, беспомощности и самоедства?

Зачем мне предоставили этот выбор? Мне страшно, что я ошибусь. Мне столько раз снились мама и папа, снились мгновения из прошлого, счастливые настолько, что не хотелось просыпаться... И все же, все же я, пожалуй, не готова снова пережить все самые горькие минуты, дни моей жизни. Даже ради вновь обретенной молодости, ради новой встречи с самыми близкими обречь себя на неминуемое проживание заново тех страшных событий, оставивших незаживающие рубцы в моей душе. Я не могу! Не могу. Не хочу! Мне не хватит сил. Но зато это будет не 10-15 лет, а больше пятидесяти!!!

Как трудно выбирать. Пожалуй, я выберу короткий,

но неизведанный путь. А вдруг там тоже ждут потери, страшные и бессмысленные? И наверняка, там ждут болезни и просто мерзкая старость. И все же... есть ма-а-аленькая надежда, что там будет все хорошо. Там ждет неизведанное... там чудеса, там леший бродит... Русалка на ветвях сидит...

Сильный порыв ветра распахнул с грохотом форточку. Занавеска вздыбилась, заплескалась по комнате, как воздушный змей, рвущийся с привязи. Кажется, я спала? Неужели злая бессонница выпустила меня из своих лап и позволила мне отдохнуть? Но тут я вспомнила ночное наваждение и стала лихорадочно соображать: «Что происходит? Я не вернулась в прошлое? Ура! Я живу, здесь и сейчас!» Скоро позвонит дочка и заботливо спросит: «Как ты, мама?» А в трубке телефона будет слышен неумолкающий щебет внучки. Вечером я включу скайп, и мы с сыном через сотни километров будем вновь и вновь искать точки соприкосновения, нащупывать пути к сердцу друг друга. И подружки будут обрывать телефон и слегка ревновать: «А с кем это ты так долго разговаривала, что до тебя было не дозвониться?». А потом поздно ночью придут стихи. И, пока не выльешь их торопливо на бумагу, не будет тебе покоя... Вот она, жизнь, во всех ее проявлениях. Завтра новый день, новые мелочи наполнят его. Новые чувства, новые эмоции, новые ощущения. А воспоминания пусть останутся только воспоминаниями.

Дверца в детство

Когда нечаянно скатившаяся слезинка напомнит о том, что ты еще способен чувствовать и сопереживать, это будет именно тем мгновением, которое отделит мир призрачный и придуманный от мира реального, жестокого и непредсказуемого.

Быть может, именно эта сказка, пробудившая в твоём взрослом, уже слегка очерстевшем сердце тайные детские порывы, нежные ростки чувств, которые ты успешно научился прятать от чужих глаз, от досужих языков, даже от самых близких и родных, стала той крохотной дверцей, через которую немногим удаётся вернуться в детство? И вот уже твоё огрубевшее, слегка уставшее сердце сбивается с ритма, откликается незнакомой тупой болью на незатейливый сюжет сказки, которую ты читал внукам на ночь. И непрошенные, нелепые слезы наполняют выцветшие, поблекшие глаза твои. А недоумевающие внуки заглядывают тебе в лицо и силятся понять своими пытливыми умами детей 21 века, что же произошло? И будет ли продолжение сказки?

Женщина-невидимка

Совсем недавно поняла: она – человек-невидимка!

Очень-очень давно, в детском саду, ей так хотелось, чтоб ее заметила няня или воспитательница. А они все время уделяли внимание другим, например, подружке Ирке. Ну чем эта Ирка лучше? И мальчика Павлика, новенького в их группе, все время хвалили. А ее будто не видели, как бы она ни старалась попасть им на глаза, помочь что-то принести, прибраться... Ни «спасибо», ни улыбки... Будто и не было ее тут вовсе.

А потом на вечеринках школьных... Всех девчонок приглашают, все танцуют, веселятся. А она весь вечер с другом своим только, а остальные ее будто и не видят. Хорошо, хоть друг есть. И танцует он классно, лучше всех! И целуется классно... И все же, почему другие-то стороной обходят, словно круг заколдованный возле нее? А когда расстались с ним, так и вовсе вакуум образовался вокруг.

5 лет институтских пролетели незаметно. Поездка в колхоз, праздничные вечеринки, «танцы» в общезимней, стройотряд – все как один день промелькнуло в ожидании-стремлении-мечтах. Девочка-невидимка...

И когда с подружкой поехали в училище военное на танцы, так весь вечер простояла у стеночки. А Маринке, ей что, танцует то с одним, то с другим. Даже и не видит, что ты стоишь все танцы подряд, словно в шапке невидимке, по самые глаза натянутой. И удивилась Маринка так искренне, когда ты робко спросила, не пора ли домой? Тут так весело, и музыка классная,

и парни все такие внимательные, веселые... Зачем же домой так рано уезжать? А времени-то уже час ночи! В стенке за спиной, наверное, уже вмятина образовалась...

А повзрослела, так тут уж семья, дети, заботы, хлопоты – все как у людей. Нет, лучше, чем у людей. Потому что любовью переполнена. Воспитанием детей увлечена. В заботу о муже погружена с головой.

И вот, когда это все вдруг в одночасье минуло, словно Земля разверзлась...

Попыталась выплыть, выжить. Прическу поменяла. Цветовая гамма одежды сменилась неожиданно на вызывающе-красные тона. Очки заменила линзами.

И вдруг, идя на работу, обнаружила: а мужчин-то вокруг сколько! И в глаза заглядывают, и познакомиться пытаются, и просто улыбаются навстречу! Господи! Откуда столько мужчин? Неужели это мои очки были той шапкой-невидимкой всю жизнь?

Как же так, прожила столько лет, и никогда столько мужчин вокруг не видела? У подруги муж – такой славный. Столько лет дружили, а вот не замечала даже, какой он улыбочивый да балагур, и комплиментами осыпает...

И сосед как-то в лифте вдруг шутить начал... И мастер пришел окно вставлять, да и зачастил после. Вот, говорит, какая вы женщина славная, никогда таких не встречал...

А она и не знает, что со всем этим делать!

Пожалуй, надо обратно очки надеть. А то как-то неловко, вроде раздетая по городу ходишь, на всеоб-

щее обозрение. Очки, правда, купила новые, модные. Стекла тонированные. Дужки ажурные. Так не помогло! Мужчины улыбаются встречные. Старые знакомые звонят, в гости приглашают.

Друзья повзрослевшего сына комплименты говорят.

Где ты, шапка-невидимка? Так уютно было прятаться под твоими широкими полями...

Дорога, дорога, дорога

Она оживленно вела беседу. Прикрывая некрасиво пальчиками рот, улыбаясь немного растерянно, временами оживляясь, а иногда будто останавливаясь, заглядывая в саму себя. И при этом выражение ее лица мгновенно менялось, стиралась улыбка, глаза становились грустными-грустными. И вновь вспышка неискреннего смеха, вновь улыбаются губы, прикрытые пальцами, новый виток воспоминаний к месту и не к месту, лишь бы поддержать разговор с этим славным молодежьим мужчиной. Я сначала подумала, что они едут вместе. Они сели на одной станции, разместились на боковой полке в нашем «купе» плацкартного вагона. Я обратила на них внимание, когда они уже пили чай из стаканов в подстаканниках – неизменных спутниках наших поездов. Одинокая пачка печенья на столике, ложечки, позвякивающие в стаканах. Они увлеченно беседовали, не обращая ни на кого внимания, перебивая друг друга, будто боясь, что не успеют все рассказать. Они были похожи на командировочных, хорошо знакомых, весело коротающих скучную дорогу. Я не прислушивалась, о чем они говорили, меня просто привлекло все время меняющееся выражение ее лица. А часа через 2-3 она засобиралась, переобулась из мягких домашних тапочек в черные кожаные сапожки, и он галантно снял ее дорожную сумку с верхней полки. Дальше он ехал один, угрюмо уткнувшись в газету, по-прежнему не обращая внимания ни на кого вокруг. Когда он вышел, я даже и не заметила...

Урок ботаники и жизни

Сегодня гуляли с внучкой. Как всегда. Жарко. Наконец и к нам в Сибирь пришло лето в середине июля. Ничего необычного. Гуляем, вновь и вновь познаем мир, друг друга и себя самих. Вечереет. Ждем маму Маришки с работы (дочку мою). Я углубилась в свои мысли, уже планирую, что смогу успеть за вечер сделать, раз дочка вовремя придет с работы. Маришка изучает природу. Подошла к молодому хиленькому деревцу (прошлой весной высадили студенты, я сама в окно видела):

– Баба, можно листик сорвать?.

– Нет, нельзя. Деревцу будет больно!

Отошла на несколько шагов, задумалась.

– А где можно?

Понимаю, что не отстанет, пока не потрогает своими руками, не почувствует прохладу зелени на ощупь. Показываю на разросшийся буйным кустом побег тополя. Там листья крупные, их много и особого ущерб деревцу явно не будет.

Сорвала, рассматривала долго, нюхала, что-то шептала своей кукле в игрушечной коляске. Я любовалась ею и вновь задумалась о своем, глядя вдоль дорожки, откуда должна прийти дочка. Что ж ее так долго нет, я так не успею все дела, намеченные на вечер, сделать...

Выпустила на миг из поля зрения сокровище свое.

Вдруг слышу издалека, от подъезда дома, где на лавочке сидели, как обычно, бабушки-болтушки, гром-

кий грубый крик басом:

– Ты что же это делаешь? А ну-ка, не смей!

Я вздрагиваю и подпрыгиваю от неожиданности. Так страшен был этот резкий громкий окрик! И расстояние-то немалое, а прогремело, как гром над самой головой. Оглядываюсь, кому это так кричат грозно? И вижу, моя малявочка (три годика всего) отпрыгивает в ужасе от того хилого деревца и в страхе закрывает лицо руками. Плечики ее начинают мелко дрожать, она вся съеживается и даже не может заплакать, только нервно всхлипывает. Подлетаю к ней и прижимаю ее к себе, жалкую, крошечную, беззащитную. Видно, она все же решила потрогать (а может, и сорвать?) листик с того деревца. Но грозный окрик нарушил идиллию жаркого летнего дня. Кое-как, приговаривая что-то, поглаживая узенькие плечики, привожу в чувство ребенка. Клянусь себя, что отключилась на миг, не углядела, не уберегла. Вот оно, соприкосновение с жестоким миром...

– Вот видишь, бабушки ругаются. Я ж сказала, что нельзя тут листики рвать? Зачем же ты снова это деревце трогала?

А сама понимаю, что не логична. Я же разрешила с другого дерева сорвать листок. Как ребенку понять, почему тут можно, а там нельзя? А если все запрещать, то, как ей мир узнавать? Как развивать осязание, обоняние? Как узнать, как пахнет лист, трава, цветок? Я сама на днях сорвала с тополя для нее сережку пуховую, и мы рассматривали вместе, как пушинки устроены, как семечки в пух завернуты и почему они летят,

как снег в жаркий июльский день.

Вот уже и ночь на дворе, и малявка моя успокоилась, может, и забыла все давно и спит сладким сном. А я все не могу уснуть, и слышу этот нечеловеческий крик, так напугавший мою малышку...

Солнечный зайчик

Каждое утро ее будил озорной солнечный зайчик. Он блуждал по ее лицу, запутывался в ресницах, дожидался, когда она откроет глаза, а потом исполнял на стене сумасшедший танец и исчезал.

Ей никак не удавалось узнать, откуда к ней прилетал этот солнечный зайчик, но любопытство заставляло ее часами стоять у окна и изучать безликие окна дома напротив. Скорее всего, где-то там, в той, до боли знакомой пятиэтажке жило то зеркальце, которое пускало этих зайчиков каждое утро.

Быть может, это Сашка, вечно лохматый, невыносимо белобрысый, с белесыми ресницами и смешными веснушками? Или Игорь, тот, что учился в параллельном классе и никогда не выходил гулять, почему-то сторонясь их веселой компании? Или может быть это Пашка – весельчак и балагур, подстрекатель на всякие мелкие пакости, любитель подшутить и съязвить, за что его не очень любили во дворе и в школе? Или Сашка, сын дворничихи, некрасивый, не злой, но отчего-то постоянно стремящийся сделать какую-нибудь гадость? Она хорошо помнит, как мальчишки со двора отлупили его весной, а за что, почему-то никому не говорили... И только спустя пару месяцев кто-то проговорился, что Сашка распускал некрасивые сплетни в классе о ней, и потому парни решили таким образом поставить его на место и заставить извиниться. Вот так и раскрылась загадка, почему Сашка периодически возникал перед ней в самых неожиданных местах

и смущенно еле слышно шептал: «Прости меня», и тут же убежал без каких-то объяснений.

Однажды, когда любопытство переполнило ее так, что уже и думать не могла больше ни о чем, кроме этого хулиганистого зайца, она проснулась рано-рано, до восхода солнца. Словно толкнуло ее что-то: сейчас, сегодня, ее загадка получит ответ! Она на цыпочках, босиком, словно боясь разбудить кого-то в пустой комнате, прокралась к окну и слегка отодвинула тюлевую занавеску. Светало. Бледно-розовые нити веером раскинулись по небу. Золотисто-сиреневые облака, словно огромные подушки, обложили горизонт на востоке и не хотели выпускать солнце из его уютной спальни. Но небо быстро светлело, бирюзовые отсветы с востока волнами накатывали, словно прилив морской, и вот уже полнеба из темно-синего превратилось в бирюзово-голубую лагуну. Вот облака, уже не в силах сдерживать напор солнечных лучей, расступились, и показался край ослепительного золотого божества. Она залюбовалась этой чудной картиной, ежеминутно меняющейся окраской облаков от бело-розового до сиренево-лилового и даже забыла, зачем затаилась у окна в столь ранний час.

И в тот же миг в одном из окон дома напротив мелькнула вспышка. Вот он, этот блик, направленный натренированной рукой прямо в ее окно. Ага! Теперь она знает таинственного незнакомца, который дрессирует солнечных зайцев! Это окно Борьки, недавно приехавшего к бабушке на все лето. Уже столько дней они встречались во дворе, и он ничем не выдал своего ув-

лечения солнечными зайчиками. Борька легко вписался в их компанию. Он был не то чтобы заводилой, но как-то незаметно стал «душой компании», знал много веселых историй, был разговорчив и, несомненно, выделялся среди других мальчишек. А еще он был очень симпатичным. И она точно знала, что многим девчонкам во дворе Борька нравился... Сердце подпрыгнуло где-то внутри и бешено застучало так громко, что она испугалась, не услышит ли мама, которая спит в соседней комнате.

Как же так? Что же теперь делать? Сумеет ли она сегодня вечером быть обычной в кругу своих друзей? Не выдать ни взглядом, ни жестом, что знает тайну солнечных зайчиков? Ей казалось, что она уже другая, что это утро не только небо и облака раскрасило и преобразило весь мир, но и ее изменило безвозвратно. Ей казалось, что она уже никогда не сможет быть прежней.

День тянулся бесконечно, и она еле дождалась привычного часа, когда вся дворовая компания собиралась на лавочках под густо разросшимися дикими яблоньками во дворе. Кажется, совсем недавно, в позапрошлом году, они все вместе садили эти яблоньки. А вон как разрослись! Она невнимательно слушала вдруг ставшую такой ненужной болтовню подружек, все время оглядывалась, боясь пропустить момент, когда же придет Борька...

Но этим вечером он так и не вышел гулять. Его друг, белобрысый Сашка, посмеиваясь, рассказал, что бабушка наказала Борьку за недавно разбитое зеркало.

Синяя птица

Подруга Лена позвонила в четверг и предложила назавтра, в пятницу, приехать к ней на дачу. Я с удовольствием согласилась, не часто удается провести выходные вне пыльного душного города. После работы – бегом домой, переодеться и захватить заказанные подругой помидорки, сладости и курочку замороженную. Прибегаю на автостанцию и пристраиваюсь в хвост огромной очереди на дачный маршрут автобуса.

Периодически к концу очереди подходят мужчины с бегающими глазками и, воровато оглядываясь, предлагают подвезти желающих. Народ с радостью кидается за мужичком, кто вперед, кто успеет среагировать. Потому что понимают, что вся очередь в следующий автобус не войдет, да и ехать стоя минут тридцать в духоте и тесноте никому не в кайф. В очередной раз дернулась и я...

Оступившись в трещину на старом, раздолбанном асфальте, падаю, неловко резко подвернув ногу. Очередные счастливцы из самого хвоста очереди убегают за импровизированным таксистом. Встаю, отряхиваюсь и, утешая себя, думаю, что все к лучшему. Ведь мы с подругой договорились, что она выйдет к остановке встречать меня к определенному часу, именно к этому автобусу, который вот-вот придет. И раньше приезжать мне не резон. Да и названия остановки я точно не знаю. Подруга сказала: «Вторая от поворота на Дунайку». А где он, этот поворот? Дороги от остановки я тоже не знаю, там лесом по какой-то тропинке,

потому подруга и придет встречать. Раньше меня она с мужем на машине привозила, а это совсем по другой дороге... Хотя я и ее не запоминала, незачем было.

Стою в очереди. Нога побаливает. Ну и что? Ждем автобус. Вдруг меня окликает какая-то женщина и приглашает с ними сесть в очередную машину, ожидающую метрах в ста... Мол, она видела, как я упала, а их трое, и я как раз могу с ними поехать. Радостно подхватываю свои сумки и ковыляю к машине. Уже на ходу соображаю, что надо бы в другую сторону идти, к дому, а не черт-те куда, на ночь глядя. Но раздумывать некогда, все спешат на ДАЧУ! В машине не знаю, куда пристроить жутко ноющую ногу. Соображаю, что едем быстро, приеду намного раньше того автобуса, который выйдет встречать подруга. Как бы правильно сообразить, где выйти на той лесной дороге?

Наконец, высаживаюсь, уже проклиная в душе себя, неуклюжую и к тому же настолько глупую, что не вернулась домой. На ногу уже практически не могу наступить.

Машина уезжает. Стою. Смотрю на часы, ждать прихода подруги не меньше 30-40 минут. Ни лавочки, ни навесика... На ногу даже опереться не могу. Вспоминаю, что в сумке замороженная курица! Лед – вот что надо при растяжении и ушибах. Это я знаю с детства, еще с тех пор, когда занималась фигурным катанием. Достāju курицу и пытаюсь приладить на ногу. Пакет здоровый, соскальзывает и не хочет меня лечить. Кое-как пристроила. Стою. Минут через десять начинаю сомневаться, а на той ли остановке я вышла. А вдруг

нет? Тогда подруга меня не найдет. С тоской смотрю на вереницу машин из города. Пятница. 19:30. Ни одной машины в сторону города... Сколько же здесь километров? Я не знаю. Но ехать на автобусе минут 30, наверное... Пешком далековато. А на одной ноге? Начинают сгущаться сумерки. Жутковато. А автобуса еще нет. Значит, и подруга еще не собирается меня встречать... Что-то так грустно стало. Села на землю, вытянув ногу. Неудобно. Курица сваливается. Встала. Снова пристроила замороженную птичку на ноющую конечность.

Вдруг слышу со стороны леса, вроде кто-то идет... Пригляделась – никого не видно. Тропа-то там в гору. Метров за 50 до меня показалась голова женщины. Остановившись, женщина стала махать мне рукой. Я вижу плохо, сквозь деревья вообще не разглядеть... Лена? Неужели решила пораньше придти? Пытаюсь идти – не могу! Она медленно приближается. В гору. Дышит тяжело. Метров за 10 кричит, мол, чего стоишь, иди скорее! Я стою. Курица на ноге. Понимаю, какой забавный у меня вид, и меня начинает душить смех. Нахохотавшись вдвоем вдоволь, мы трогаемся в путь.

Тропа круто уходит под горку. Вся в корнях деревьев, которые служат импровизированными ступенями. Я и по ровной дороге ни шагу не могла уже ступить. А тут... Сцепив зубы, медленно ползу следом за подругой, отобравшей мою сумку и бодро скачущей по спутанным корням. Минут через двадцать, кое-как добравшись до ее дачи, я в качестве дорогого гостя

укладываюсь на диван.

Лена хлопчет с ужином. Курица как раз подтаяла, и хозяйка спешила приготовить вкусный дачный пир. Вскоре на сковороде уже все скворчало, помидорки превратились в красочный салат, подружившись с зеленью с дачного участка. Меня гостеприимно пригласили к столу. Я, сползая с дивана, поняла, что с ногой творится что-то неладное: она распухла, жутко болит и совсем не хочет исполнять свои функции. Но мы все-таки отужинали. Лена нашла ампулу новокаина в дачной аптечке и, на всякий случай, смочив ее содержимым колготки своей двухлетней внучки, замотала мне ногу. Я громко выражала несогласие с таким использованием новокаина. Муж Лены должен был приехать только через сутки. Мне становилось хуже, боль была невыносимой, и мне было очень стыдно, что я испортила приятный летний вечер подруге. Последний автобус, конечно, уже ушел. Да и не дойти мне уже до него в ту гору по крутой тропе с корнями деревьев вместо ступеней.

Лена пробежала по соседям и выяснила, что все, кто приехал на машинах, уже благополучно попарились в баньке, «приняли на грудь» и никуда ехать не собираются... И тут я вспоминаю, что мне недавно сын подарил свой сотовый телефон! Но он старый и совсем плохо заряжается. Это был один из телефонов первого поколения, но сын настаивал, что мне он может пригодиться! Подождали, пока он немного зарядится. Но новый сюрприз поджидал нас. Дачная цивилизация еще не готова была к новшествам типа сотовых теле-

фонов. В той низине, где находились мы, связи не было. Лена отважно лазила на крыши всех соседних дач, пытаясь дозвониться до моей дочери. Все тщетно! Телефон к тому же регулярно разряжался и требовал подзарядки. Глядя на мои страдания, подруга приняла решение: выйти на дорогу, там намного выше и обязательно должны быть вышки для связи. В темноте, по лесу, время уже 24:00... Я пыталась ее отговорить, но она же упрямая...

Минут через 40 моя дочь с другом (наверное ей было тогда лет 18) примчались на такси и эвакуировали меня с дачи.

Как они пролетели мимо Лены в темноте по шоссе, как кружили по всем дачным кооперативам, созваниваясь с нею и не понимая, куда им ехать, об этом я умолчу. Когда уже после часа ночи в травмпункте мне сделали снимок и установили разрыв связок, моя распухшая неимоверно нога вытеснила из моих переживаний все мысли о том, сколько же хлопот я доставила своей гостеприимной подруге.

Долго потом мы с Леной вспоминали со смехом фрагменты того вечера! Как недоумевала и злилась она, почему я не иду ей навстречу и заставляю ее преодолеть всю гору... Как беспомощно я стояла и боялась пошевелить онемевшей ногой, чтоб не потревожить «синюю птицу» прикорнувшую у моей распухшей ноги! Как носилась она по соседским дачам с моим телефоном и допрашивала хозяек, где их муж и не хочет ли он прокатиться до города на ночь глядя? Как лазила по приставным лестницам на крыши, большая,

грузная, уставшая и очень желающая сделать что-то для меня, валяющейся беспомощно в ее доме...

Лены уже нет... Уже почти полтора года. А я все помню. Будто это было вчера... И сегодня, приматывая пакет с замороженной облепихой к подвернувшейся ноге, я думаю о своей подруге. Мне так ее не хватает!

Новогодний корпоратив, или как мы с подругой елку спасали

Это был обычный предновогодний корпоратив. То ли «Вечер, кому за...», то ли встреча ветеранов, то ли клуб по интересам... Мы с подругой, новоявленные пенсионерки, лишённые впервые корпоративных мероприятий по месту работы, решили немного развлечься и посетить эти посиделки. Немного причепурились и пошли создавать себе праздничное настроение.

Столы в зале местной школы были накрыты торжественно, баянисты в боевой готовности, и даже диск-жокей в виде учительницы средних лет присутствовал. Дед Мороз непонятной половой принадлежности, скрывающий свое лицо под накладной бородой, Снегурочка в мешковатом слегка помятом балахоне, немного апатичная, но пытающаяся создать веселье — все как полагается на детском утреннике. Правда, вид у них был слегка увядший... Дед Мороз передвигался как-то вкрадчиво, явно утратив бодрость задолго до наступления Нового года. Мы с подругой решили поддержать «отечественного производителя» и, откликнувшись на призыв Деда Мороза, решили рассказать стишок. Благо, у меня с собой были напечатанные кое-какие стихи. Ведь обещали вечеринку с литературным уклоном... Для пушшего веселья решили подыграть Деду Морозу. Я с помощью подружки взгромоздилась на стул, т.к. иначе меня с моими метр-с-кепкой не было бы видно из-за столов с гостями. С выражени-

ем, как учили в детском саду, прочла немудреный тост своего сочинения. Гости вяло похлопали, Дед Мороз сказал:

– Хорошая девочка! – И, порывшись в большом черном целлофановом пакете, извлек из его недр крошечный магнитик для холодильника, изображавший чудотворно, олицетворяющее Дракона.

Но мы с подругой уже настроились на веселье. Заметив в углу школьной столовки искусственную елку в мигающих разноцветных огнях, Татьяна предложила:

– Давай хоть у елки на память сфотографируемся?

Сказано – сделано! Подруливаем к елочке, пока народ пляшет. Пару щелчков фотоаппаратом, и я уже увековечена! Беру фотоаппарат у подруги, отхожу 3 шага назад и слышу за спиной непонятный возглас. Оборачиваюсь – о Боже! Моя Танечка, (а надо сказать, что Танечка на полторы головы выше меня и вообще, женщина представительных габаритов), стоит в непонятной позе, а, вернее, почти лежит сверху упавшей елки и тщетно пытается удержать равновесие и поднять это хрупкое сооружение одновременно. Я бросаю на ближайший стол фотоаппарат и кидаюсь на помощь подруге. Суечусь вокруг этой парочки и не могу сообразить, то ли Таню поднимать, то ли елку. Когда, наконец, мы подняли общими усилиями «лесную» красавицу, выяснилось, что она не хочет стоять! Татьяна пытается ее пристроить к стене, восклицая:

– Не держать же мне ее теперь вечно!

Я со своим инженерным складом ума пытаюсь по-

нять, что случилось с елкой, и как она стояла прежде? Отчаявшись, я опускаюсь на колени (как славно, что народ танцует и НИКТО не видит этой картинки! Отшвыривая с дороги осколки праздничных шаров, я вползаю под елку и лихорадочно соображаю, как же устроено ее основание. Мне на помощь приходит какой-то мужчина, которого я, к сожалению, так и не успеваю разглядеть под елкой... И елка, наконец, водружается вертикально. Я фотографирую подругу на фоне слегка потрепанного новогоднего атрибута, не переставая сокрушаться, что папарацци из меня не получилось! Такие кадры потеряны для истории!!! И, тем не менее, вечер явно удался!

Крылья

*Каждый раз нужно прыгать со скалы
и отраживать крылья по пути вниз.*

Рэй Брэдбери

Крылья всегда выросли неожиданно и с дикой болью. В самый первый раз это случилось, когда ей было лет семь-восемь, когда одноклассник нечаянно толкнул ее на вершине ледяной горы. Она даже не успела понять, что произошло. Где-то между лопатками возникла резкая боль, взрыв боли! С оглушительным треском разорвались ткани одежды и огромные переливающиеся на бледном зимнем солнце крылья развернулись за ее спиной. Она, кажется, даже потеряла сознание на мгновение от болевого шока. А когда очнулась, уже летела над толпой ребятишек, суесящихся вокруг залитой заботливыми взрослыми ледяной горки на обрыве реки, на окраине городка.

Остатки дикой боли медленно разливались по телу, постепенно растворяясь в ощущении небывалой свободы и в наслаждении полетом. Приземлившись у подножия горы, она с удивлением обнаружила упавшие к ее ногам прозрачные крылышки. Они были еще слегка теплыми. Блеск их быстро тускнел, они стали мутными буквально на глазах ошеломленных столпившихся вокруг детей и быстро-быстро рассыпались на миллион крошечных осколков и таяли.

Она поежилась от холода, пронзавшего оголенную спину. Мама какого-то малыша кинулась к ней, сни-

мая на ходу с головы теплую шаль и укутала ее, приговаривая:

– Надо скорую, у тебя спина в крови. Так расшиблась, с высоты-то упала! Лежи, не двигайся!

Девочка медленно встала со снега, огляделась и пошла куда-то сначала медленно, потом все убыстряя шаг, крикнула, обернувшись:

– Я верну вам платок! Обязательно верну!– и перешла на бег. Глубокий снег мешал бежать, ноги проваливались, но боль подгоняла, толкала в спину, и она бежала и бежала, пока не оказалась возле родного дома. От мороза ли или еще от чего, но боль в спине утихла. Дома никого не было, и она долго рассматривала в зеркало, крутясь перед ним и так, и эдак, свою спину, с затянувшейся странно-быстро раной. Розовые рубцы появлялись прямо на глазах. А вот пуховик, свитер, майка — это все просто пришло в негодность. Она изумленно разглядывала свою одежду и не могла придумать, что сказать маме по поводу испорченной одежды. Никто ж не поверит, если сказать правду, в этом она была уверена на 100 процентов. Маме пришлось поверить в рассказ о толкавшихся мальчишках, о торчащих ветках возле горки... А девочка долго пыталась потом понять, что же это было, что случилось с нею там, на горке? И так как спина очень быстро зажила самым неожиданным образом, спустя пару лет, она и сама готова была поверить, что это был какой-то мгновенный сон, потеря сознания с галлюцинациями или что-то вроде того.

Но спустя несколько лет, история повторилась. Они

отдыхали с бабушкой в маленьком приморском городке у бабушкиной подруги. Взрослые просыпались рано, вместе стряпали что-то в маленькой тесной кухне, подолгу разговаривали, словно никак не могли наговориться. Потому что виделись редко, разъехавшись после учебы по разным городам. А Тане давали выспаться, набраться сил перед новым учебным годом.

Однажды утром она проснулась от негромкого мяуканья. Сначала она подумала, что ей это снится. Но вот остатки сна уже покинули ее, а жалобное «Мяу!» не затихало. У хозяйки квартиры кошек не было! Девочка прильнула к окну. Седьмой этаж. Высоко! Они с мамой жили на втором. Так высоко и непривычно тут. А на подоконнике сидит маленький котенок, черно-белый, трясущийся и мяукающий! Увидев ее сквозь стекло, он вострепнулся и побежал вдоль по подоконнику. Его коготки стучали по жестяному откосу, скользили по металлу, и она испугалась, что он сорвется! Все задрожало внутри! Что делать? Откуда он тут? Она увидела открытую фрамугу соседского балкона. Наверное, оттуда этот котик сиганул к ним на окно. А обратно прыгнуть не смог!

– Бабушка! Тетя Оля! Идите скорее сюда, – побежала она в кухню.

Но дома никого не оказалось. Кухня встретила ее вкусными ароматами и запиской: «Танюша, мы с тетей Олей пошли в магазин. Скоро будем. Позавтракай булочками, они еще теплые. И никуда не уходи, жди нас. Мы скоро придем».

Что делать??? Таня вернулась в спальню. Дрожащи-

ми руками открыла фрамугу окна. Знала, знала, что это запрещено. Мама миллион раз говорила об этом. Но как же котенок? Его надо спасти. Он метался по откосу, лапки его оскальзывались, и Таня испугалась, что не успеет его спасти, и котенок упадет с седьмого этажа! Увидев ее в открытом окне, котик метнулся в дальний от нее конец и прижался там к стеклу. Он дрожал всем телом и было видно, что он очень боится девочку. Таня протянула руку и... не достала. Она высунулась подальше. Но все было тщетно. Встала коленками на подоконник, сдвинув горшок с геранью. Потянулась всем телом, переставила одну коленку на жестяной откос, еще потянулась и подцепила ладошкой мягкий пушистый комочек. Но коленка соскользнула и...ах! Это было очень страшно –лететь, зажмурив глаза, понимая, что это конец. Но котенка судорожно сжимала в руке. Казалось, мгновения растянулись на часы. И снова ужасная боль пронзила ее тело. Такая же точно, невыносимая до потери сознания, боль, как тогда, на горке. И снова прозрачные крылья распахнулись у нее за спиной, подняли ее на высоту девятиэтажки и позволили плавно опуститься на траву под тем злосчастливым балконом. Котенок вырвался из рук и шарахнулся в сторону подвального окна. Она лежала, обессиленная болью, на траве и перебирала тонкими пальцами быстро тускнеющие осколки крылышек. Они крошились от ее прикосновений еще сильнее. И таяли, таяли как маленькие льдинки в ладонях. Боль в спине медленно затухала. Но разорванная ночнушка, которую она так и не успела переодеть, красноречиво доказывала, что

это не сон. И что она скажет бабушке? И как она попадет в дом? Ключа-то у нее нет! И котенок сбежал – живое доказательство, что она ничего не придумала. Несколько кровавых царапин от его острых коготков не в счет... Спасла ситуацию соседка – девчужка живущая этажом ниже, с которой Таня подружилась на днях, на качелях во дворе. Она все видела! И уже бежала к Тане от детской площадки, где в грустном одиночестве качалась на той самой качели.

– Ты не ушиблась? Ух ты, как ты красиво летела! Откуда у тебя такие крылья? Где тебе их купили? Я тоже такие хочу! – Подружка трещала без умолку, не давая Тане ответить ни на один вопрос. Таня лихорадочно вспоминала, как же зовут девочку? Катя? Надя? Эля? Снежана! Всплыло в памяти необычное имя девочки.

– Снежана, мне надо переодеться! Ты не одолжишь мне свои футболку и шорты?

– Конечно, пойдем, – Снежана удивленно разглядывала порванную окровавленную сорочку Тани.

– Ты ранена?

– Нет!

– Но вот же, кровь...

– Ну это так, чуть-чуть. Пойдем скорее, пока никто не видит! – по утихающей боли, Таня уже понимала, что раны на спине быстро затягиваются и скоро от них не останется и следа.

Пока она переодевалась в одежду, предложенную Снежаной, Таня все рассказала новой подруге. Ей нужен был совет, как не напугать бабушку? И о, чудо! У Снежаны был ключ от квартиры тети Оли!

– Тетя Оля сама нам его дала на всякий случай! Они дружат с моей бабушкой. И специально обменялись запасными ключами, потому что уже старенькие, все забывают... Вот и решили, чтоб у соседей были ключи, вдруг уйдут и дверь захлопнут? Или заболеют и скорую надо будет вызвать? Дом старый, все соседи друг друга знают и живут дружно, – сыпала объяснениями словоохотливая Снежана.

Отвела Снежана Таню в квартиру тети Оли, заперла снаружи дверь и убежала гулять. Таня попросила Снежану никому не рассказывать об увиденном. Потому что все равно никто не поверит. Только врушкой прослывешь. Так у девочек появилась общая тайна.

Снежана, казалось, быстро забыла о необычном происшествии. Но иногда она подолгу задерживала взгляд своих глубоких синих-синих глаз на лице Тани. Посмотрит и замирает. И будто пытается разглядеть что-то неземное в этом простодушном личике подруги. Таня ничем не выделялась среди других детей. Круглолицая хохотушка, с русыми волосами, заплетенными в аккуратные косички заботливой бабушкой. Стройная, длинноногая, резвая в играх, рассудительная и умеющая находить компромиссы. Дружить с нею было одно удовольствие. Она не шла на конфликты, была добра и сговорчива. Только вот на пляж загорать никогда не ходила с подругами. Отговаривалась, что бабушка не отпускает... Снежана подозревала, что это из-за шрамов на спине. Она-то их видела!!!

Прошло несколько лет. Каждое лето Таня приезжала с бабушкой к тете Оле в гости, и они по-прежнему

встречались со Снежаной. С удовольствием рассказывали друг другу о событиях прошедшего года. С удивлением отмечали изменения друг в друге. Из голенастых девчушек они превращались в юных нимф. Тела округлялись, наливались соком. Таня все чаще уже не заплетала косички, а чуть подрезав концы волос, носила их распущенными, рассыпанными по плечам роскошными локонами. Снежана же носила короткую стрижку, которая очень шла ей, подчеркивала длинную гибкую шею, открывала загорелые плечи, и только длинная челка все время падала ей на лицо, скрывая на мгновение взгляд все таких же, как прежде, синих-синих внимательных глаз. Снежана резко вскидывала голову и отбрасывала непокорную челку назад.

Однажды Танина бабушка пригласила девочек на прогулку:

– Давайте, девчонки, поднимемся на подъемнике на вершину горы, где установлен маяк. Там наверху есть очаровательное кафе и прекрасный вид на море. Видно далеко-далеко! А если повезет, то и на маяк на экскурсию сходим.

Девочки с удовольствием согласились. Подъемник был достаточно старым, но вполне работоспособным. Десятки желающих в этот солнечный день отправились на прогулку к маяку. Таня со Снежаной и бабушкой Тани уселись в удобное примитивное кресло-лавку на троих и работник подъемника, рыжеволосый вихрастый, веснушчатый парнишка, заботливо опустил рычаг, удерживающий пассажиров в кресле.

«И это все?» – опасливо подумала Таня: «И никаких ремней безопасности?»

Девочка впервые поднималась на таком подъемнике, и ей стало не по себе. Она вертела головой по сторонам, замечая разные мелочи: вот впереди них едут на таком же кресле молодые родители с малышом лет пяти. Вот все дальше вниз убегают огромные ели на склонах вдоль просеки, где установлен подъемник. Вот уже только верхушки елок видны с шишками на самых макушках. Кажется, руку протяни, и ты сможешь сорвать шишку!

Громкий возглас впереди заставил всех вздрогнуть. Все случившееся следом произошло в какие-то доли секунды, но для участников событий это мгновение растянулось во времени самым непостижимым образом. У малыша на сиденье впереди соскочил с ноги сандалик. Ребенок дернулся за ним и соскользнул с лавки, нырнув прямо под удерживающий рычаг. В тот же миг Танина бабушка уже летела вслед за малышом над верхушками елей и сосен и за ее спиной развевались огромные прозрачные крылья, переливающиеся на солнце лиловым и бирюзовым. Таня неожиданно для самой себя оказалась летящей рядом с бабушкой и в изумлении, потеряв дар речи, только успела подумать: «Хоть бы малыш не перепугался!» Бабушка уже подхватывала его на руки, когда, оглянувшись, увидела внучку. Ее красивые глаза, сильно увеличенные стеклами очков стали еще больше.

– И ты??? – только успела прошептать бабушка, и они синхронно приземлились на траву на просеке

возле одной из опор подъемника. Осколки крыльев таяли на сочной темной траве, оставаясь капельками разноцветной росы. Лилово-бирюзовые бабушкины и нежные розово-голубые Танины, смешивались, переливались на солнце.

Таня и бабушка, обняв спасенного малыша, глядели друг на друга и вновь и вновь молча задавали друг другу один и тот же вопрос: «И ты???»

Жрите, что подано, или каждый имеет право на самовыражение

*Размышления после прочтения некоторых
образцов современной литературы и
бесед с их авторами.*

Он сидел в уютном ресторанчике, с удовольствием и предвкушением рассматривал красиво иллюстрированное меню. Сделав заказ милому официанту, спокойно откинулся на спинку удобного кресла. Все здесь его вдохновляло и обещало приятный вечер наедине с самым главным человеком в его жизни – самим собой.

На удивление быстро принесли холодные закуски: оригинально сервированную рыбу, овощную нарезку, присыпанную орешками и чем-то явно экзотическим. Подцепив аппетитный кусочек рыбы на специальную рыбную вилочку, он торопливо отправил ее в рот. Эффект был непредсказуем! Первое желание – выплюнуть все немедленно в тарелку – он сумел подавить (воспитание, черт возьми!), но проглотить это он не смог при всем своем уважении к заведению. Опрометью выскочив из зала, он скрылся в туалетной комнате. «Ну что ж, бывает», – подумал молодой человек, вразвалку возвращаясь за свой столик. Отставив рыбную закуску подальше от себя, чтоб даже видом своим она не напоминала о том вкусе тухлой рыбы, приправленной солено-сладким непонятно чем, он с опаской покосился на овощи. Овощи как овощи... Ну их-то чем испортишь? Осторожно подхватив ломтик огурца,

он сначала зачем-то его понюхал. Запах был так отвратителен, что попробовать он не решился. «Вот так сюрприз! Подождем основного блюда, – решительно подумал парень, – А потом будем выводы делать. Может, мой обед еще не безнадежно испорчен?»

Горячее было подано минут через тридцать. Мясо шкворчало и дымилось на шикарно декорированной зеленым сковороде. У голодного посетителя потекли слюнки. Ну вот, сейчас! Все не так плохо в этом милом заведении. Первый же кусочек мяса никак не желал отрезаться ножом с элегантной перламутровой ручкой. Подозвав официанта, молодой человек вежливо попросил заменить прибор на более острый. Но это не помогло. Потом-то он уже понял, что это был сигнал, это было «предупреждение» свыше, что не надо это даже пробовать! Упорству этого посетителя ресторана можно было позавидовать! Спустя десять минут невероятных усилий, крошечный кусочек мяса был, наконец, отпилен! С вожделием, граничащим с ощущениями иссохшего от жажды путника в пустыне, он накинулся на этот образец поварского творчества и с отвращением, словно нечаянно проглотил таракана, исторг все обратно в тарелку, не в силах сдержать естественный отклик своего организма.

Видимо, даже самое распрекрасное настроение посетителя ресторана больше не могло сдерживать его возмущение.

- Официант! – громко выкрикнул он, – Что это?
- Ваш обед, все как вы заказывали!
- Кто это готовил?

– Наш повар, конечно!

– Я хочу его видеть!

Из кухни вышел на призыв официанта молодой мужчина в безукоризненно белом фартуке, в щёгольски надвинутом колпаке:

– Вы желали меня видеть?

– Что это? – повел рукой голодный клиент.

– Ваш обед, все как вы заказывали! – повторил вслед за официантом повар.

– Но это же невозможно есть? Какими вы пользуетесь приправами?

– Ну, вы знаете, я по приправам-то не мастак... Что есть под рукой, то и сыплю! Вот как раз получили свеженькие из Китая, Мексики и Индии. Я все сразу и постарался использовать, пока свежие!

– Но так же нельзя! Каждое блюдо готовится по определенным рецептам, – растерянно произнес посетитель.

– Так я ж готовлю, как я хочу! Это же мой ресторан! У меня есть право на самовыражение? А в рецептах я не особо разбираюсь, каюсь...

– А вы сами пробовали ЭТО?

– А зачем мне пробовать? Я прекрасно знаю, какого вкуса должно получиться каждое блюдо.

– Но, а если не получилось? Если вы приготовили несусветную дрянь? Мясо не жуеться абсолютно и приправлено бог знает чем! Ваша еда несовместима с моим желудком!

– Ну так это проблемы вашего желудка, – отвечивал повар с чувством собственного достоинства, – И

вообще, я работаю недавно, должен же я где-то и как-то учиться готовить, вот я и экспериментирую. А иначе как же я стану специалистом высшего класса?

– Но почему вы экспериментируете за счет моего кошелька??? Моего времени? Моего здоровья?

– А мне все равно, за чей счет. Мне, главное, самовыразиться! И, судя по вашим блестящим глазам, мне это удалось, – повар самодовольно улыбнулся.

– Но я остался голоден. Я зол. Болит желудок. Обожжен пищевод. У меня испорчено настроение, в конце концов!

– Ну... это уже ваши проблемы! Зато вы не остались равнодушным! Не забудьте оплатить счет.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА В ПРОШЛОЕ

Счастливое утро	5
Жадность.....	7
Ложь	9
Удивление	12
Спортивный лагерь на Байкале, или ещё раз о любимом тренере.....	14
Страх	20
Запреты	21
Тщеславие.....	23
Светогорские воспоминания.....	24
Черная каша.....	29
Детский сад.....	32
Новый год на Киевской	36
Чоки-чоки	40
Первый ужин	44
Директор кукольного театра	47
Смех без причины	51
Уроки музыки, или почему в нашей семье нет музыкантов.....	52
Как я вступала в ряды ВЛКСМ.....	58

Взросление	61
Чудеса случаются.....	65

РАССКАЗЫ

Бессонница	69
Дверца в детство	73
Женщина-невидимка	74
Дорога, дорога, дорога	77
Урок ботаники и жизни	78
Солнечный зайчик.....	81
Синяя птица	84
Новогодний корпоратив, или как мы с подружкой елку спасали	90
Крылья.....	93
Жрите, что подано, или каждый имеет право на самовыражение.....	102

Галина Максовна Кравец

Письма в прошлое

Дизайн обложки А. Хомченко

Технический редактор М. Хомченко

Корректор Е. Рыбаченко

Подписано в печать 19.06.2020 г. Формат 148x210 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Отпечатано: ООО«Полиграф».

г. Братск, ул. Южная, 8, строение 3, 1 подъезд.

Тел/ф. 41-00-04. E-mail: ps@bratsk.ru

Однажды сложившиеся мгновения уже никогда не сольются в точно такую же последовательность событий, никогда не повторятся точь-в-точь. Вся наша жизнь – цепочка моментов, сотканная случайным образом. И сколько ее не раскручивай, не разматывай, не перекладывай, ты никогда не повторишь тот случайный код, также, как в калейдоскопе никогда не сложатся осколки в узор, однажды увиденный тобой.